

Буря перед бурей. История падения Римской республики

Автор:

[Майк Дункан](#)

Буря перед бурей. История падения Римской республики

Майк Дункан

Популярная история (АСТ)

В книге «Буря перед бурей» Майк Дункан мастерски описывает события в Римской республике между 146–78 гг. до н. э., оживляя кровавые битвы, политические махинации и человеческую драму, которые подготовили почву для падения великой империи.

Римская республика была одним из самых выдающихся достижений в истории цивилизации. Начав с небольшого города-государства в центральной Италии, Рим постепенно занял большие территориальные владения в Европе и Средиземноморье, наполненные мелкими тиранами, варварскими вождями и деспотическими царями. На протяжении веков римская модель правления оставалась удивительно прочной и не имеющей себе равных в истории Древнего мира.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Майк Дункан

Буря перед бурей. История падения Римской республики

© 2017 by Mike Duncan

* * *

Посвящается Бранди с благодарностью за все

Хронология. 146–78 до н. э.

146 г. до н. э.

Эмилиан подвергает разграблению Карфаген.

Муммий подвергает разграблению Коринф.

Сенат аннексирует Грецию и Африку.

139 г. до н. э.

Вводится тайное голосование в выборные органы.

137 г. до н. э.

Нумантинская война

Вводится тайное голосование в судебные органы.

135 г. до н. э.

Начало Первого восстания рабов на Сицилии.

134 г. до н. э.

Эмилиан отправляется в Нуманцию.

Смерть царя Аттала Пергамского.

133 г. до н. э.

Тиберий Гракх становится консулом.

Принятие Lex agraria (Аграрного закона).

Падение Нуманции.

Начало восстания Аристоника.

Смерть Тиберия Гракха.

132 г. до н. э.

Посмертный суд над Тиберием Гракхом.

Конец Первого восстания рабов.

131 г. до н. э.

Вводится тайное голосование в законодательные органы.

130 г. до н. э.

Конец восстания Аристоника.

129 г. до н. э.

Смерть Сципиона Эмилиана.

125 г. до н. э.

Фульвий Флакк поднимает вопрос о римском гражданств.

Восстание во Фрегеллах.

124 г. до н. э.

Луций Опимий подвергает Фрегеллы разграблению.

123 г. до н. э.

Гай Гракх впервые избирается консулом.

122 г. до н. э.

Гай Гракх повторно избирается консулом.

Основание города Аквы Секстиевы[1 - Ныне французский город Экс-ан-Прованс. – Прим. пер.].

121 г. до н. э.

Сенат издает первый *senatus consultum ultimum* (сенатусконсулт).

Самоубийство Гая Гракха.

Битва на реке Изер в Галлии.

119 г. до н. э.

Преследование Гая Карбона и его самоубийство.

Гай Марий становится трибуном.

118 г. до н. э.

Основание города Нарбо[2 - Ныне французский Нарбонн. – Прим. пер.].

117 г. до н. э.

Попытка Мария стать эдилом оканчивается провалом.

Смерть нумидийского царя Мисипсы.

Убийство Югуртой Гиемпсала.

116 г. до н. э.

Адгербал обращается к Сенату за помощью.

В Нумидию отправляется делегация во главе с Опимием.

Марий избирается претором, но подозревается в фальсификации выборов.

115 г. до н. э.

Марий исполняет обязанности претора.

114 г. до н. э.

Скордиски наносят поражение Катону.

Марий обуздывает разбойников в Испании.

113 г. до н. э.

Югурта нападает на Адгербала.

Наступление с севера кимвров.

Кимвры наносят поражение Гнею Карбону в битве при Норее.

112 г. до н. э.

Югурта осаждает Цирту.

Югурта убивает Адгербала.

Солдаты Югурты устраивают италикам резню.

Рим объявляет Югурте войну.

111 г. до н. э.

Луций Бестия ведет легионы в Нумидию.

Бестия и Скавр заключают с Югуртой мир.

Меммий вызывают Югурту в Рим.

Преследования Гнея Карбона и его самоубийство.

110 г. до н. э.

Югурта убивает Массиву.

109 г. до н. э.

Югурта побеждает римлян и проводит их под ярмом.

Учреждение комиссии Мамилиана.

Первая Нумидийская кампания Метелла.

Кимвры возвращаются и предъявляют претензии на земли в Италии.

Кимвры побеждают легионы под командованием Силана.

108 г. до н. э.

Мария избирают консулом.

Суллу избирают квестором.

Марий вводит практику набора солдат из всех классов общества.

Югурта и мавританский царь Бокх вступают в союз.

107 г. до н. э.

Марий впервые становится консулом.

Нумидийская кампания Мария.

Тигурины наносят легионам поражение в Галлии.

106 г. до н. э.

Цепион возвращает сенату контроль над судами.

Цепион «теряет» Толосское золото.

Марий наносит поражение Югурте и Бокху под Циртой.

Рождение Цицерона.

Рождение Помпея Великого.

105 г. до н. э.

Сулла склоняет Бокха выдать римлянам Югурту.

Кимвры громят легионы в битве при Араузионе.

Мария во второй раз избирают консулом.

104 г. до н. э.

Победа Мария над Югуртой.

Марий реформирует галльские легионы.

Начало Второго восстания рабов на Сицилии.

Сенат освобождает Сатурнина от исполнения обязанностей.

103 г. до н. э.

Марий в третий раз становится консулом.

Сатурнин выделяет ветеранам Мария землю.

Маллий и Цепион отправляются в изгнание.

Лукулл побеждает армию рабов на Сицилии.

102 г. до н. э.

Марий в четвертый раз становится консулом.

Лукулл распускает сицилийские легионы.

Кимвры, тевтоны и амвроны движутся на юг.

Марий побеждает тевтонов и амвронов в Битве при Аквах Секстиевых.

Кимвры успешно вторгаются в Италию.

101 г. до н. э.

Марий в пятый раз становится консулом.

Марий побеждает кимвров в битве при Верцеллах.

Аквиллий громит армию повстанцев на Сицилии.

Сторонники Сатурнина убивают Нония.

100 г. до н. э.

Шестой консульский срок Мария.

Сатурнин во второй раз становится трибуном.

Метелл отправляется в изгнание.

Сторонники Сатурнина убивают Меммия.

Сенат издает второй *senatus consultum ultimum* (сенатусконсульт).

Смерть Сатурнина и Главция.

Рождение Юлия Цезаря.

98 г. до н. э.

Марий встречает царя Митридата VI Понтийского.

Метелла, находящегося в изгнании, призывают обратно.

Суллу избирают претором.

95 г. до н. э.

Сулла усаживает на трон Каппадокии царя Ариобарзана.

Митридат и армянский царь Тигран вступают в союз.

Рождение Катона Младшего.

94 г. до н. э.

Сцевола и Рутилий реформируют органы управления в Азии.

Сулла встречается с парфянским послом.

92 г. до н. э.

Суд над Рутилием и его изгнание.

91 г. до н. э.

Марк Друз Младший становится трибуном.

Митридат вторгается в Вифинию, а Тигран в Каппадокию.

Друз поднимает вопрос о римском гражданстве.

Убийство Друза.

Начало Союзнической войны.

90 г. до н. э.

Восставшие италики учреждают в Корфинии свою столицу.

Комиссия Ворена в судебном порядке преследует всех, кто повинен в подстрекательстве италиков.

Гай Марий возглавляет легионы в Северной Италии.

Аквиллий препровождает Никомеда и Ариобарзана в их царства.

Lex Julia (Закон Юлия) распространяет римское гражданство на италиков, которые не воевали в легионах.

89 г. до н. э.

Закон Плавтия Папирия распространяет римское гражданство на всех италиков.

Никомед Вифинский вторгается в Понт.

Митридат вторгается в Каппадокию.

Помпей Страбон захватывает Аускул[3 - Ныне итальянский город Асколи-Пичено. - Прим. пер.].

Сулла проводит успешную кампанию на юге Италии.

Суллу и Помпея избирают консулами.

88 г. до н. э.

Смерть Попедия Силона.

Окончание Союзнической войны.

Сульпиций предлагает предоставить италийцам избирательные права.

Сульпиций вверяет Марию командование силами на востоке.

Марш Суллы на Рим.

Марий бежит в Африку.

Митридат вторгается в Азию.

По приказу Митридата италийцы подвергаются массовому истреблению.

87 г. до н. э.

Цинна впервые становится консулом.

Сулла отбывает на восток и осаждает Афины.

Цинна предлагает наделить италийцев равным правом голоса, за что его изгоняют из Рима.

Армия Цинны окружает Рим.

Смерть Помпея Страбона.

Армия Цинны входит в Рим.

Марий устанавливает господство террора.

86 г. до н. э.

Седьмой консульский срок Мария.

Второй консульский срок Цинны.

Смерть Гая Мария.

Сулла подвергает разграблению Афины.

Сулла побеждает понтийскую армию в битве при Херонее.

Флакк и Сципион Азиатский возглавляют поход легионов на восток.

Сулла побеждает понтийскую армию в битве при Орхомене.

85 г. до н. э.

Третий консульский срок Цинны.

Фимбрия убивает Флакка.

Лукулл позволяет Митридату бежать.

Сулла и Митридат заключают мирное соглашение.

Сулла вынуждает Фимбрию покончить с собой.

84 г. до н. э.

Четвертый консульский срок Цинны.

Цинну убивают мятежные солдаты.

Сулла наводит порядок в провинции Азия.

Сенат и Сулла обсуждают вопрос его возвращения.

83 г. до н. э.

Сулла возвращается в Италию.

К Сулле присоединяются Метелл Пий, Помпей и Красс.

Начало гражданской войны.

82 г. до н. э.

Начало осады Пренесте.

Сулла обращается к римлянам.

Сулла одерживает победу в битве у Коллинских ворот.

Окончание гражданской войны.

Сулла становится диктатором.

81 г. до н. э.

Сулланские проскрипции.

Сулла реформирует Конституцию республики.

80 г. до н. э.

Сулла отказывается от диктаторства и становится консулом.

79 г. до н. э.

Сулла уходит со всех постов.

78 г. до н. э.

Смерть Суллы.

От автора

Ни один период в истории не изучался с такой тщательностью, как падение Римской республики. Имена Цезаря, Помпея, Цицерона, Октавиана, Марка Антония и Клеопатры являются одними из самых известных в истории не только Рима, но и всего человечества. Каждый год преподносит нам новую книгу,

художественный фильм или телевизионное шоу о жизни этого прославленного поколения, последнего в Римской республике. Для их перманентного преобладания есть весьма веские причины: этот период оживляют собой удивительные личности и невероятные события. Особенно увлекательно это для тех из нас, обитателей современного мира, кто, опасаясь хрупкости наших собственных республиканских институтов, воспринимает восхождение кесарей в качестве поучительной истории. Знаменитое высказывание Бена Франклина о том, что Конституционный конвент породил «республику... которую еще нужно сохранить», звенит всем последующим поколениям предупреждающим звоночком.

Но вот о том, как Римская республика до этого дошла, оказавшись на грани катастрофы, – вопрос, на сегодняшний день значимый больше, чем когда-либо, – написано гораздо меньше, что весьма удивительно. Бушующий огонь, вполне естественно, требует к себе внимания, но чтобы не дать ему разгореться в будущем, надо спросить себя, с чего он начался. В истории не было революций, которые взялись бы ниоткуда, и начинать с политической системы Юлия Цезаря, разрушенной единственно силой амбиций, было бы, конечно, неразумно. Значительную часть масла, вспыхнувшего в 40–30 гг. до н. э., в огонь подлили за сто лет до этого. О жизненно важном поколении предшественников Цезаря, Цицерона и Антония – братьев-революционеров Гракхов; упрямого, амбициозного Мариа и Суллы, снискавшего своей дерзостью недобрую славу, – все забывают. Мы очень долго отказывали себе в не менее живой, волнующей, хаотичной, пугающей и захватывающей истории последнего поколения Республики. О ней как раз повествует эта книга.

Впрочем, она служит не только средством заполнить пробел в нашем знании римской истории. Когда я писал «Историю Рима», мне снова и снова задавали одни и те же вопросы: «А Америка тоже Рим? А Соединенные Штаты движутся по сходной исторической траектории? И если да, то на каком этапе римской хронологии на данный момент они сейчас находятся?» Попытки проводить прямые сравнения между Римом и Соединенными Штатами всегда чреваты опасностями, но из этого еще не следует, что в рассмотрении данного вопроса нет никакого смысла. По меньшей мере, нам будет полезно определить, на каком отрезке тысячелетней истории Рима мы можем отыскать аналогичный исторический контекст.

Давайте в данном русле объясним следующий момент. Мы находимся не на первом этапе, когда разношерстная толпа изгнанников, инакомыслящих и

бродяг приезжает на новое место и основывает там постоянное поселение. Подобное соответствовало бы ранней стадии колонизации. Сегодня мы переживаем революционный этап, когда группка недовольных аристократов свергает монархию и учреждает республику. Он соответствует периоду отцов-основателей, стоявших у истоков США. Фазу великих завоеваний, когда череда войн с другими могущественными державами устанавливает международную военную, политическую и экономическую гегемонию, мы тоже не переживаем. Она соответствовала бы XX веку с его глобальными конфликтами Первой и Второй мировой войн, равно как и холодной войны. Наконец – несмотря на заявления некоторых истеричных комментаторов – наша республика не рухнула и не оказалась в руках диктатора. Пока ничего такого еще не случилось. Это означает, что если США и находятся на определенном участке римской хронологической шкалы, то он, должно быть, соответствует периоду между великими завоевательными войнами и восхождением кесарей.

Более углубленное изучение этого периода обнаруживает эпоху, наполненную историческими отголосками, которые кажутся странно знакомыми современному читателю. Окончательная победа над Карфагеном в Пунических войнах привела к растущему экономическому неравенству, нарушению привычного образа жизни, нарастающему политическому противостоянию, попранию неписаных правил политического поведения, приватизации армии, буйной коррупции, к социальным и этническим предубеждениям на местах, сражениям за возможность получить гражданские и избирательные права, непрекращающимся и затяжным военным конфликтам, использованию насилия в качестве политического инструмента, а также к появлению ряда элит, которые были настолько одержимы своими привилегиями, что напрочь отказывались вовремя реформировать систему, дабы ее спасти.

Эти отголоски, конечно же, могут быть чистой воды совпадением, однако великий греческий биограф Плутарх считал, что «при существовании ограниченного числа элементов, из которых сотканы события, в условиях действия одних и тех же факторов одни и те же эпизоды должны повторяться снова и снова». И если истории полагается обладать тем или иным активным значением, то мы должны определить место для определения таких связанных элементов, изучения периодически повторяющихся факторов и извлечения уроков из жизни наших предшественников. Римская империя всегда по праву считалась и будет считаться явлением поистине удивительным – и эта книга, в первую очередь, представляет собой повествование об одной из эпох в ее истории. Но если наш собственный век несет в себе ряд названных выше ограниченных элементов, то данный период римской истории вполне

заслуживает глубокого изучения, созерцания и раздумий.

Майк Дункан, Мэдисон, штат Висконсин

Октябрь 2017 г.

Пролог. Триумф Римской республики

«Кто это здесь настолько слабоумен или ленив, что даже не желает знать, как и каким образом практически весь обитаемый мир за пятьдесят три года был завоеван и оказался в единоличной власти Рима?»[4 - Полибий, «Всеобщая история», I, 1.]

Полибий

Проконсул Публий Корнелий Сципион Эмилиан стоял под стенами Карфагена и взирал на объятый пламенем город. После долгой кровопролитной осады римляне проломили стены и пронзили сердце своего величайшего врага. Карфагеняне оказали яростное сопротивление, вынуждая врагов завоевывать город улица за улицей, но после недели боев те взяли верх. После последовательного разграбления города Эмилиан приказал его разрушить, а оставшихся в живых жителей либо продать в рабство, либо переселить в глубь территории – подальше от их прибыльной гавани на побережье Северной Африки. И Карфагена, долго являвшегося одним из важнейших городов Средиземноморья, не стало.

Тем временем, в семистах милях к востоку консул Луций Муммий стоял под стенами греческого города Коринфа. Пятьдесят лет Рим пытался контролировать греческую политическую жизнь, избегая прямого правления страной. Но постоянные волнения, беспорядки и бунты то и дело требовали его вмешательства. Наконе, в 146 г. до н. э. сенат отправил Муммия раз и навсегда положить этим мятежам конец. Проломив стены Коринфа, он наказал взбунтовавшийся город в пример другим. Как и в случае с Карфагеном, легионы разграбили все его богатства, здания сровняли с землей, а жителей продали в рабство.

Разрушив в 146 г. одновременно Карфаген и Коринф, Римская республика предприняла окончательный шаг к своей имперской судьбе. Теперь Рим считал себя не просто одной из могущественных сил Средиземноморского региона, а силой единственной. Но пока римская имперская власть достигала зрелости, сама республика гнила изнутри. И триумф Римской республики заодно стал началом ее конца.

Путь Рима к триумфу начался за шесть веков до этого в центре Италии. По официальной легенде, волчица нашла брошенными на берегу реки Тибр братьев-близнецов Ромула и Рема, а затем вскормила своей грудью, тем самым вернув их к жизни. Достигнув совершеннолетия, близнецы решили основать город на том месте, где их обнаружили. Однако спор о том, где располагать городские межевые вехи, привел к ссоре: Ромул убил Рема и стал единоличным основателем нового города Рима. В качестве даты основания легенда называет 21 апреля 753 г. до н. э.

Вполне очевидно, что популярная история о Ромуле и Реме представляет собой миф, но из этого еще не следует, что в ней все чистый вымысел. Археологические находки свидетельствуют о том, что впервые люди пришли сюда примерно в 1200 г. до н. э., а постоянные поселения появились в начале 900-х гг. до н. э., что примерно соответствует времени, которое указано в легенде. Но в отличие от мифа, расположение Рима обусловлено не столько случайной встречей с дружелюбными волками, сколько стратегической экономикой. Рим возвышается на семи холмах, властвующих над одной из безопасных переправ через реку Тибр. Большинство жителей Рима на первом этапе были земледельцами, но положение города позволяло им контролировать реку, открыть рынок и защитить себя в случае нападения. Вскоре их небольшая община добилась стабильности и процветания.

Первые 250 лет своего существования Рим представлял собой лишь одно из многих царств Италии. Поскольку письменных упоминаний о той эпохе не сохранилось, историки более позднего римского периода, объясняя развитие города на раннем этапе, полагались на устное предание о «Семи римских царях». Хотя свидетельств тому почти не было, римляне верили, что большая часть их ключевых общественных институтов своими корнями уходила в эту полумифическую монархию. Ромул, первый царь, создал легионы, сенат и Народное собрание. Второй, Нума, ввел институт духовенства и религиозные

обряды. Шестой, Сервий Тулий, реформировал комиции, провел первую перепись и организовал граждан в местные трибы для голосования. Но хотя впоследствии римляне и приписывали царям закладку общественно-политических основ города, с другой стороны, монархи считались проклятием для римского характера. Римское царство внезапно рухнуло в 509 г., когда ряд сенаторов изгнали из города Луция Тарквиния Гордого, последнего единовластного правителя, заменив монархию республикой.

Эта республика отнюдь не представляла собой свободную, ничем не ограниченную демократию. Семейства, способные проследить свое происхождение до первых сенаторов, назначенных Ромулом, и известные как патриции, монополизировали все должности в религии и политике, причем как по обычаю, так и по закону. Все остальные, не входившие в этот узкий аристократический клан, назывались плебеями. Плебеям, всем без исключения, будь то бедный крестьянин, процветающий торговец или богатый землевладелец, путь во власть был закрыт. Времени, чтобы они стали бороться за равные права, потребовалось совсем немного. Как говорил историк Аппиан, «плебеи и римский сенат часто конфликтовали друг с другом относительно одобрения законов, ликвидации долгов, распределения земель или избрания магистратов»[5 - Аппиан, «Гражданские войны», I, 1.]. Непрерывная борьба патрициев с плебсом получила известность как конфликт сословий.

По прошествии пятнадцати лет с момента основания Республики, долговой кризис среди самого неимущего плебса привел наконец к серьезному противостоянию. Простолюдины, в ярости от оскорбительного для них произвола патрициев, отказались вступать в ряды войск, когда их призвали встретиться лицом к лицу с надвигающейся иноземной угрозой. Вместо этого плебеи в массовом порядке собрались на холме за городской чертой и поклялись с места не сойти до тех пор, пока им не предоставят возможность избирать собственных магистратов. Сенат уступил и учредил Собрание плебеев, народный орган, доступ в который патрициям был закрыт. Это собрание избирало трибунов, призванных защищать простолюдинов от произвола патрициев. Любой гражданин, в любое время и по любым причинам мог искать у трибуна убежища. Этих магистратов под священной присягой объявили неприкосновенными – в черте города Рима на них не мог посягнуть даже консул. Они встали на страже против тирании сенаторов-аристократов.

Но хотя напряженность между патрициями и плебеями помогла очертить на первом этапе республику, римская политика отнюдь не сводилась к сословному

вопросу. Римские семьи были организованы в сложные системы, связывавшие патронов и их клиентов, верхушкой в которых являлась элита в виде патрициев, а дальше в массовом порядке шли тесно связанные с ними клиенты-плебеи. Патроны могли рассчитывать на политическую и военную поддержку клиентов, в то время как те, в свою очередь, могли надеяться на финансовую и правовую помощь патронов. Поэтому хотя конфликт между патрициями и плебеями время от времени и приводил к яростным столкновениям, тесные узы между патронами и клиентами подразумевали, что римская политика сводилась не столько к классовой войне, сколько к противостоянию кланов.

Однако в действительности римлян связывало вместе не что-то другое, а неписанные правила поведения в политике и обществе. У них никогда не было ни изложенной на письме конституции, ни исчерпывающего свода письменных законов – ни то, ни другое им попросту не требовалось. Вместо этого они окружали себя неписаными правилами, традициями и взаимными ожиданиями – кодексом, известным как *mos maiorum* [6 - Можно перевести как «путь старших», «обычаи предков», «наследственные обычаи». – Прим. пер.]. Даже если политические противники соревновались друг с другом в борьбе за богатство и власть, присущее каждому из них уважение к силе отношений между клиентом и патроном, к суверенитету собраний и мудрости сената, не позволяло им заходить слишком далеко. Когда под конец II в. до н. э. республика стала разваливаться, виной тому стало вырождение не буквы закона, а уважения к общепринятым узам *mos maiorum*.

Римляне порой хоть и были внутренне разделены, но перед лицом внешней угрозы всегда выступали единым фронтом. Ромул с самого начала наделил их боевым духом, и редко год проходил без конфликта с очередным соседом. Время от времени эти периодические стычки выливались в полномасштабные войны. С 343 г. до н. э. римляне ввязались в продолжительный конфликт с самнитами, кочевым народом, который обитал в горах и на холмах центральной части Италии. Затянувшись на последующие пятьдесят лет, Самнитские войны, в конечном итоге, втянули в коалицию против Рима всю остальную Италию. А когда Рим в 295 г. до н. э. одержал над ней победу, римляне стали непререкаемыми хозяевами полуострова.

Но эта победа лишь породила еще более масштабный конфликт: Пунические войны. Пока Рим в 300-х гг. до н. э. набирал силу, в Северной Африке поднимался процветающий город Карфаген. К тому времени, когда римляне завоевали

Италию, карфагеняне уже вторглись на остров Сицилия и вскоре намеревались двинуться на Испанию. Две эти перспективные империи неизбежно столкнулись, и в последующие сто лет Рим сражался с Карфагеном за контроль над западным Средиземноморьем.

В 218 г. до н. э., когда в Италию вторгся великий карфагенский полководец Ганнибал, Рим чуть было не потерпел поражение, но его упрямые граждане наотрез отказались сдаться. По сути, некоторое время спустя они смогли распространить этот конфликт на все Средиземноморье. Пытаясь перекрыть пути снабжения Ганнибала, сенат послал легионы атаковать карфагенские земли в Испании. А когда выяснилось, что Ганнибал стремился заключить союз с царем Филиппом V Македонским, в Грецию по приказу сената отплыл флот. Наконец, Сципион Африканский, который стал великим героем той войны, вторгся в Северную Африку, на родину карфагенян. Там в 202 г. ему удалось разбить Ганнибала в битве при Заме, заставив врага сдаться.

Пройдя через трудности Пунических войн, Рим из обычного регионального игрока превратился в доминирующую силу во всем Средиземноморье. Однако сенат не желал устанавливать прямой имперский контроль над территориями, оказавшимися теперь в его власти. Окончательное соглашение с Карфагеном оказалось на удивление мягким и терпимым. Да, оно включало в себя несколько пунктов о наказании – карфагеняне должны были ежегодно выплачивать репарации, им запрещалось выдвигать на позиции армию и флот – но во всем остальном они сохранили за собой не только традиционные территории в Африке, но и возможность ими самостоятельно управлять. Кроме того, сенат не желал принимать никакого участия в управлении греками и македонцами. Успешно удержав Македонию от войны, римский флот пересек Адриатику и вернулся обратно. Поначалу Грецию планировалось предоставить грекам, но царь Филипп V, к ужасу сената, преднамеренно нарушил одно из своих обязательств по договору, и Риму снова пришлось отправить на восток свои легионы. В 197 г. до н. э. Филипп заплатил за свой провокационный просчет – в решающей битве при Киноскефалах легионы его разгромили. Филипп согласился ограничиться Македонией и не доставлять больше никаких проблем. И хотя Греция теперь была полностью в их власти, в 196 г. до н. э. «сенат Рима и Тит Квинкций, римский генерал, одержав победу над царем Филиппом и македонцами, постановили и предписали освободить эти территории, избавить их от выплаты податей и разрешить жить по их собственным законам»[7 - Тит Ливий, «История от основания города. Периохи», XXXVIII, 32.]. Римляне пришли не завоевать греков, а освободить.

Сенат воздержался от прямого имперского управления «цивилизованными» греками и карфагенянами, при аннексии «нецивилизованной» Испании его члены особо не сомневались. После Пунических войн Рим, привлеченный прибыльными месторождениями серебра, оставил свои легионы в Испании, дабы гарантировать, что оно потечет в его храмы. Поведение римлян в Испании в изобилии было наполнено лицемерием, грабежами и периодическим насилием. Вскоре это привело к чередованию циклов мятежей и их умиротворения, что, в свою очередь, сподвигло сенат создать на побережье страны две постоянные провинции: Испанию Ближнюю и Испанию Дальнюю. В 197 г. до н. э. они присоединились к Сицилии и Корсике в качестве первых заморских территорий Римской империи.

Вот каким был мир, в котором в 185 г. до н. э. родился Публий Сципион Эмилиан. Его, сына древней патрицианской семьи, усыновил бездетный глава рода Сципионов, в законном порядке превратив наследника в великого Публия Корнелия Сципиона Африканского. Такого рода усыновления представляли собой распространенный способ укрепления альянсов в кругах римской аристократии, и Эмилиан вырос в самой могущественной семье самого могущественного в мире города. Воспитанный в надежде на блестящую публичную карьеру, Эмилиан никогда не сомневался, что его удел – быть великим лидером. Со временем ему предстояло послужить во всех трех основных имперских сферах Рима – а затем стать одним из главных творцов окончательного триумфа империи.

Первый опыт Эмилиан получил в Греции, когда его родной отец, Луций Эмилий Павел, взял семнадцатилетнего сына в поход, чтобы тот посмотрел, как римляне ведут войну. В июне 168 г. до н. э. его легионы уничтожили македонцев, свергнув их молодого и амбициозного царя Персея, который попытался избавиться от гегемонии Рима. Эмилиан наблюдал, как его отец захватил сокровищницу македонского царя, обратил в рабство триста тысяч человек и буквально стер с карты мира Македонское царство. Все бывшие владения великого Александра Македонского теперь разделились на четыре небольших республики.

Но после столь безжалостного урегулирования вопроса сенат вновь вернулся к своей привычке либерального правления. Он потребовал от жителей четырех новых македонских республик продолжать платить подати, но вдвое меньше по сравнению с тем, что они выплачивали своим бывшим царям. И если человек

сумел пережить войну и не попасть в рабство, то при римлянах его ждала весьма приятная жизнь.

В разгар всех своих завоеваний Эмилий Павел также взял в заложники тысячу известных греков в виде гарантии хорошего поведения их родственников. Среди них оказался блестящий политик и ученый по имени Полибий. Будучи общественным лидером из города Мегалополиса, он когда-то посоветовал придерживаться нейтралитета в отношении римлян, которые вели с Македонией войны, чего оказалось вполне достаточно, чтобы выставить себя в глазах окружающих опасным элементом и тем самым привлечь к себе внимание. И хотя теперь Полибия собирались отправить в изгнание, в действительности его злключения обернулись счастливым случаем. Когда верховное римское командование проезжало через Мегалополис, юный Эмилиан взял у Полибия почитать несколько книг, и на фоне их последующих дискуссий между ними завязались узы дружбы. Павел добился, чтобы Полибия отправили в изгнание в Рим, где ему предстояло обучить сына полководца риторике, истории и философии.

Под руководством Полибия Эмилиан проникся новым греко-римским духом, получившим в те времена самое широкое распространение. Поток хлынувших в Италию образованных греческих рабов привел к тому, что целое поколение молодых аристократов без остатка погрузились в греческую литературу, философию и искусство. Ряд более консервативных римлян негодовали из-за подобного перенимания греческих идей, полагая, что те подрывают строгие добродетели, что характерны для их предков. Однако молодые лидеры наподобие Эмилиана хоть и упивались греческой культурой, но при этом никогда не ставили под сомнение право Рима управлять миром. К тому же, если консервативная мораль и агонизировала, то Сципиона Эмилиана, считавшего, что покорности надо учить с кнутом в руке, отнюдь нельзя было заподозрить в мягкотелости. В будущем ему предстояло возвыситься до самых высот, чтобы стать этой самой рукой с кнутом, причем в тот самый момент, когда народы, страдающие под римским правлением, станут бунтовать и сенат, наконец, решит преподать Средиземноморью урок повиновения.

Отбывая в Риме ссылку, он стал восхищаться республикой – или как минимум пришел к убеждению, что римское могущество неотразимо и что его греческим собратьям к этому лучше привыкнуть. Деятельно наблюдая за миром, Полибий без конца делал заметки и состоял в обширной переписке, что позволяло ему тщательно исследовать этих непонятных италиков-варваров, теперь

превратившихся в повелителей вселенной. В конечном счете, Полибий написал историю Рима, поведав в ней как и почему римляне так стремительно и высоко вознеслись. В ней он утверждал, что помимо очевидной воинской доблести, они жили при политическом устройстве, сумевшем достичь идеального баланса трех классических форм правления: монархии – правления одного; аристократии – правления нескольких; и демократии – правления многих.

В соответствии с политической теорией Аристотеля, каждая форма правления обладала собственными достоинствами, но при этом неизбежно скатывалась к своей самой деспотичной ипостаси до тех пор, пока ее не свергали. Таким образом, монархия становилась тиранией, только чтобы быть свергнутой просвещенной аристократией, которая, в свою очередь, регрессировала до репрессивной олигархии, пока последнюю не сокрушала народная демократия, открывавшая путь к анархии, и так по кругу – опять к руке монархии, чтобы стабилизировать ситуацию. Полибий полагал, что римлянам удалось разорвать этот порочный круг и, таким образом, двинуться дальше, пока другие города рушились под зыбучими песками своих неадекватных политических систем.

Монархический элемент римского политического устройства представляли консулы, наделенные исполнительной властью. Благодаря враждебному отношению римлян к царям, они избирали не одного консула, а двух, которые делили между собой всю полноту военной, политической и религиозной власти. Для снижения риска тиранического захвата власти, каждый из них обладал правом накладывать на решение коллеги вето. Но что еще важнее, срок пребывания в этой должности составлял всего один год, по истечении которого консулам полагалось возвращаться в ранг рядовых граждан, а на их место приходила пара других.

В то же время, практичные римляне создали чрезвычайный институт, именовавшийся диктатурой. В периоды кризиса консулы могли передать полномочия одному-единственному человеку, получавшему всю полноту власти, чтобы избавить Рим от опасности. Причем угроза совсем не обязательно должна была исходить извне: первый диктатор был назначен не из-за какого-то враждебно настроенного соседа, а из-за восстания плебеев в стенах самого города. И поскольку римляне питали непримиримую ненависть к царям, сенат разрешил любому гражданину в любое время убить другого гражданина, пойманного на жажде монаршей власти. За всю историю существования этого института, насчитывавшую без малого пятьсот лет, римские диктаторы ни разу не отказались сложить с себя полномочия.

Аристократический элемент, конечно же, представлял собой сенат. Если изначально Ромул организовал сто стариков, выступавших в роли государственного совета, то во времена Полибия палата насчитывала их уже триста. Набирая своих членов из самых богатых и могущественных семей Рима, сенат превратился в центральный политический институт республики. Включая в себя бывших магистратов, он выступал в роли основного советника ежегодно избираемых лидеров. Консулы очень редко воплощали в жизнь ту или иную политику без коллективного одобрения сената.

Наконец, демократический элемент обнаруживался в Собраниях, открытых для всех римских граждан. Во времена Полибия существовало три основных типа собраний, также называемых комициями: Центуриатные комиции, избиравшие высших магистратов; Трибутные комиции, избиравшие младших магистратов, принимавшие законы и выносившие судебные решения; и Плебейские комиции, во многом наделенные теми же полномочиями, что и Трибутные, но избиравшие трибунов и открытые только для урожденных плебеев. Демократический элемент в римском политическом устройстве зачастую недооценивается, однако комиции обладали невероятным могуществом. Только собрание могло ввести в действие закон или же вынести гражданину смертный приговор. Причем если гражданин мог всегда обжаловать в собраниях приговор, то сами они никогда и ни к кому не апеллировали. (Поскольку греческие и римские литературные источники не всегда содержат однозначные указания на то, о каком именно собрании идет речь, впредь мы будем называть их здесь просто «собранием» или «народным собранием»).

В приведенном Полибием толковании между вышеназванными элементами римского политического устройства поддерживался баланс, который не позволял одному из них занять доминирующее положение. Но хотя он и был одаренным теоретиком, к середине 100-х годов до н. э., когда он писал свою историю, этот баланс, вызывавший у него восхищение, уже был нарушен. После Пунических войн сенат стал гораздо сильнее, чем в 400-х годах до н. э., во времена Первой сецессии плебеев. В период того конфликта ежегодная смена верховного военного командования стала препятствием на пути планирования боевых операций, и сенат коллективно возглавил процесс выработки и реализации политики. Кроме того, он научился продвигать в трибуны своих послушных клиентов. К окончанию Пунических войн консулы, трибуны и комиции не столько контролировали сенат, сколько выступали в роли его продолжения. Поэтому хотя Полибий и восхвалял баланс политического устройства Рима, сенатская аристократия уже скатывалась в репрессивную олигархию.

Один из инструментов власти сената сводился к непрерывному контролю избрания высших магистратов. К середине 200-х гг. до н. э. конфликт сословий уничтожил большинство различий между патрициями и плебеями. Но когда рушится одна аристократическая элита, рядом всегда оказывается другая, чтобы занять ее место, опять порождая новые различия: любой род, патрицианский или плебейский, среди предков которого когда-либо числился консул, теперь считался *nobile*, т. е. «благородным» или «знатным». Тех же, у кого консулов в роду не было, иронично называли *novus homo*, т. е. «новыми людьми». Эта новоявленная патрицианско-плебейская знать упорно трудилась над тем, чтобы их семьи и далее монополизировали институт консулов, практически никогда не допуская к нему «новых людей». Луций Муммий относился к тем, кто ощущал влияние этого скатывания в олигархию. Он являлся молодым человеком с амбициями. И принадлежал к «новым людям».

О первом этапе жизни Муммия практически ничего не известно – тайной остается даже дата его рождения, которую можно вычислить лишь приблизительно в промежутке между 200 и 190 гг. до н. э. Если он следовал стандартным жизненным путем, то, получив воспитание и образование, в возрасте восемнадцати – двадцати двух лет поступил в легионы, десять лет пребывания в которых представляли собой предварительное условие для того, чтобы занять публичную должность, и прослужил этот срок в качестве кавалерийского офицера в различных провинциальных гарнизонах. По завершении этого срока он получил право начать свое восхождение по *cursus honorum*, т. е. по «пути чести», который представлял собой восходящую лестницу выборных магистратур.

Первым шагом на этом пути была должность квестора. Собрание каждый год избирало квесторов, поручая им республиканские финансы, бухгалтерию и учет. Выступая обычно в роли помощника одного из высших магистратов, квесторы проводили этот год в его канцелярии, изучая приемы управления Римом. Избравшись квестором, человек получал право стать членом сената – хотя молодых чиновников, которым едва перевалило за тридцать, во время важных дебатов там обычно никто и никогда не видел и не слышал. По всей видимости, на этот год Муммия, как квестора, определили в государственную казну в Риме, либо отправили в провинцию – на Сицилию, Сардинию или в Испанию.

Ступенькой выше квесторов располагались эдилы. Каждый год собрание избирало четырех эдилов, поручая им надзор за общественными работами и играми. Для начинающего политика год в должности эдила представлял собой

прекрасную возможность добиться известности и популярности, устраивая роскошные игры или осуществляя надзор над каким-нибудь резонансным проектом наподобие новой дороги или акведука. Для финансирования подобных работ амбициозные молодые люди нередко влезали в огромные долги – прекрасно понимая, что политический успех в будущем предоставит им возможность быстро и сполна расплатиться с кредиторами.

Когда бывшие квесторы и эдилы приближались к сорокалетнему рубежу, им позволялось выдвигать свои кандидатуры на должность преторов, тем самым пересекая черту между низшими и высшими магистратами. Поскольку двое ежегодных консулов не могли везде поспеть, собрание каждый год выбирало четырех преторов, наделяя их всей полнотой власти в отсутствие высших должностных лиц. Преторы помогали, взваливая на себя ответственность за управление на местах, военные операции и судебные разбирательства. В 153 г. до н. э., наверняка с помощью своих знатных покровителей, которые посчитали, что молодой чиновник подает надежды, Муммий сумел обеспечить свое избрание претором. С учетом его статуса, который определял принадлежность к «новым людям», это была та вершина, до которой он мог надеяться возвыситься. Консульский пост для *novus homo* в конечном итоге был закрыт.

Но нарушить порядок, в соответствии с которым ни один «новый человек» не избирался консулом вот уже целое поколение, ему помог кризис в Испании. Сенат поручил Муммию задачу восстановить порядок в Дальней Испании, ходившей ходуном от восстания коренных лузитан. Вступив во внутренние районы провинции, Муммий тут же установил местонахождение основной массы лузитан и обратил их в бегство, но подразделения его армии, преследуя бунтовщиков, настолько оторвались друг от друга, что в результате стороны поменялись местами. Муммию пришлось отступить обратно до самого побережья. Не растеряв ни капли мужества, он перегруппировал свои силы и одержал над лузитанами несколько побед. К концу года Муммий уже владел большим количеством рабов и устраивал грабежи. За эти успехи сенат и народ Рима удостоили Муммию триумфом – оказав весьма редкую честь, которой практически никогда не удостоивался «новый человек».

Триумф был не просто почестью, он представлял собой вершину римского политического великолепия. Возвращавшийся с войны полководец мог войти в город вместе со своим войском и трофеями, а затем двинуться по ритуальному пути в храм Юпитера на Капитолийском холме. По дороге граждане Рима могли созерцать золото, серебро, драгоценности, экзотические предметы

материальной культуры, добычу и рабов, захваченных легионами во время кампании. По окончании шествия генерал-триумфатор нередко устраивал банкеты и игры – чем экзотичнее и памятнее, тем лучше. Каждый римский предводитель не стеснялся в средствах, чтобы удостоиться триумфа, только вот оказывали его далеко не каждому. И раз уж Муммий решил выставить свою кандидатуру на должность консула, значит, его имя было широко известно.

Если «новому человеку» Муммию, чтобы двигаться по «пути чести», требовалось постоянно прилагать упорные усилия, то знатный патриций Сципион Эмилиан попросту поднимался все выше, ни о чем особо не заботясь. Около 155 г. до н. э. его избрали квестором, но эта должность стала единственной, которую он получил до того, как стать консулом. В 151 г. до н. э. он добровольно вызвался сопровождать консула в Испанию, где вспыхнули новые мятежи, требуя дальнейшего военного вмешательства. Там Эмилиан, за храбрость и мужество, заслужил себе хорошую репутацию. Однажды он получил награду за то, что первым забрался на вражескую стену; в другой раз спас три когорты попавших в западню легионеров; затем одолел в бою один на один хвастливого испанского воителя. Таким послужным списком обладал лихой юный герой, подвигами которого восхищались римляне.

Популярность Эмилиана все возрастала, его судьба вновь привлекла к себе внимание тогда, как после пятидесятилетней спячки вновь пробудился великан Карфаген. Когда в 152 г. до н. э. стареющий Катон Старший отправился туда вынести третейское решение по какому-то спору, его потрясло, каким великолепным и богатым с момента окончания Пунических войн стал этот город. Увидев, что он вновь обрел былую самоуверенность, Катон, возвратившись домой, тут же выступил за войну, пока Карфаген опять не превратился для Рима в угрозу. Каждую речь, с которой он впоследствии обращался к Сенату – независимо от вопроса, – Катон заканчивал своей знаменитой фразой: «В довершение всего, Карфаген должен быть разрушен»[8 - Плутарх, «Катон Старший», 27.]. В конечном итоге, Сенат поддался на его недовольное ворчание и в 150 г. до н. э. нашел повод для нападения. Но карфагеняне обладали весьма внушительными оборонительными сооружениями, и римляне, вместо того чтобы быстро захватить город, увязли в осаде, которая впоследствии затянулась на два года.

Поскольку гражданам Рима была обещана быстрая и не доставляющая хлопот война, они, видя, что Сенат не в состоянии довести начатое до конца, все больше проявляли нетерпение и в 148 г. до н. э. занялись поисками нового

лидера. Так как в тот момент близились выборы консула, в Риме стало развиваться движение за избрание на этот пост популярного Сципиона Эмилиана. Но на этом пути существовало препятствие: Эмилиан был слишком молод для этой должности и на иерархической лестнице магистратов никогда не поднимался выше квестора. В соответствии как с буквой, так и с духом закона, он не имел права выдвигать свою кандидатуру на высшую должность в государстве. Однако собрание, обладавшее огромным могуществом, проголосовало простым большинством за приостановку действия квалификационных требований, избрало Эмилиана консулом и отправило его в Карфаген. Прибыв весной 147 г. до н. э. на место, тот взялся за работу и последовательно взял город в осаду. Для этого он отгородил стеной порт, не давая карфагенским кораблям ускользнуть от римской блокады, и провел комплекс осадных работ, чтобы, в конечном итоге, поставить город на колени.

Когда через год после неординарного избрания Эмилиана консулом Луций Муммий приготовился сделать невозможное, пришел черед еще одного неординарного избрания. В 146 г. до н. э. Муммий, держась на плаву благодаря тому, что его триумф еще не стерся из памяти, при поддержке знатных покровителей выдвинул свою кандидатуру на выборах консула. С тех пор как знать согласилась впустить в свой организм хоть каплю новой крови, сменилось целое поколение, но Муммий, как считалось, был достоин такой чести. Выиграв выборы, он стал первым почти за сорок лет консулом из числа «новых людей».

Новоявленного консула сенат отправил в Грецию, где гегемонии Рима вновь бросили вызов. После победы над Македонией в 168 г. до н. э. он и далее играл важную, но при этом опосредованную роль в греческих делах, выступая в ипостаси беспристрастного третейского судьи при разрешении политических и экономических споров между различными городами и царствами. Но хотя восток Греции действительно нередко стремился привлечь Рим в качестве наставника и арбитра, из этого еще не следовало, что сенатские постановления пользовались неизменным уважением. В 148 г. до н. э. посланники Ахейского союза – альянса городов центральной части Греции – обратились к Риму с прошением воспрепятствовать недовольным членам выйти из него. Но когда сенат своим решением постановил, что при желании сделать это может любой город, предводители Ахейского союза развязали войну, дабы помешать воплотить его волю в жизнь. Об этой попытке, заранее обреченной на провал, географ Павсаний сказал, что «храбрость в сочетании со слабостью следует назвать безумием»[9 - Павсаний, «Описание Эллады», VII, 14, б.].

В тот самый момент, когда в Греции назревала война, некий претендент на македонский трон, будто ему этого было мало, начал кампанию по восстановлению Македонского царства. Когда весть об этой угрозе достигла Рима, сенат отправил туда претора Квинта Цецилия Метелла, который быстро расправился с армией неприятеля – во веки веков заслужив себе прозвище «Македонский». После этого мятежа Рим решил, что македонских бунтов с него достаточно. Вместо того, чтобы возратить местным жителям суверенитет, сенат аннексировал весь регион, создав в нем новую провинцию Римской республики под названием Македония.

Но если македонцы были повержены, то ахейцы дальше на юге Греции все еще держались. Прибыв весной 146 г. до н. э., Муммий обнаружил, что последние из их непримиримых рядов укрылись в Коринфе. Он взял на себя командование осадой и приготовился к решающему, массированному штурму. Понимая, что устоять перед этим нападением им не удастся, большинство коринфян бежали через задние ворота. Муммий позволил жителям уйти, а когда город практически опустел, приказал своим легионам проломить вход. Выполняя, по всей видимости, предписания сената, он велел своим людям собрать все ценное, что только можно будет найти, убить или поработить всех, кто попадется им на пути, а сам город последовательно разрушить.

Получив весть об уничтожении Коринфа, сенат выслал в Грецию комиссию, чтобы раз и навсегда решить вопрос на востоке страны. После всех притязаний на греческую свободу, что затянулись на пятьдесят лет, римляне, наконец, сдались. Грецию объединили с Македонией в рамках единой провинции Македония. Свобода Греции приказала долго жить. Теперь ею правил Рим.

А в Северной Африке римляне готовились одержать решающую победу над своим величайшим врагом. После года тщательной подготовки, весной 146 г. до н. э. Эмилиан повел свои войска на окончательный штурм Карфагена. Легионы пробили стены и хлынули в город, но чтобы сломить сопротивление его последних защитников, потребовалась неделя жестоких боев практически за каждый дом. Когда же Карфаген, наконец, пал, Эмилиан, вероятно, действовал, повинаясь тем же инструкциям, которые были даны Муммию. Лишив город всех его богатств, он обратил в рабов всех оставшихся в живых защитников, а население принудительно изгнал в глубь континента. После чего приказал поджечь Карфаген. Вскоре прибыла комиссия сената, чтобы присоединить эту территорию к римским владениям и создать новую провинцию под названием

Африка.

Но Сципион Эмилиан, стоя и взирая на горевший Карфаген, размышлял о судьбе города, когда-то такого могущественного. Переполняемый чувствами, он заплакал. Друг и наставник Полибий подошел к нему и спросил, что его так опечалило – разве может человек рассчитывать на более блестящий результат? На что Эмилиан ответил: «Славный момент, Полибий; но меня терзает ужасное предчувствие, что когда-нибудь такой же приговор судьба вынесет и моей стране»[10 - Полибий, «Всеобщая история», XXXVIII, 21.]. Затем, в соответствии с римской традицией, процитировал строку из Гомера: «Придет день, когда священная Троя погибнет, а Приама и его народ убьют»[11 - Полибий, «Всеобщая история», XXXVIII, 21.]. Эмилиан знал, что на свете нет могущества, способного длиться вечно, что все империи обязаны пасть и что смертные не в состоянии что-либо с этим поделать.

Глава 1. Звери Италии

Те, кто ворует личную собственность, проводят жизнь в кандалах; те же, кто ворует собственность общественную, – в богатстве и роскоши[12 - Катон Старший, «Фрагменты римских ораторов»].

Катон Старший

Тиберий Семпроний Гракх смотрел на полыхавший Карфаген. В 146 г. до н. э., еще юношей, он принял участие в своей первой кампании, служа под началом прославленного военачальника Сципиона Эмилиана, – для потомка знатного рода командировка вполне типичная. А Гракхи действительно были знатным родом. После того, как прадед Тиберия первым возвысился до благородного сословия, семья постоянно повышала свой статус. Выше всего удалось подняться отцу Тиберия, которого Ливий называл «самым способным и энергичным молодым человеком того времени, далеко оставившим позади остальных»[13 - Тит Ливий, «История от основания города. Периохи», XXXVII, 7.]. За свою легендарную карьеру Гракх Старший дважды избирался консулом и удостоился двух триумфов. Хотя отец умер, когда Тиберию было всего десять лет, мальчик был прекрасно осведомлен о его подвигах и знал, что ему предстоит многое сделать, чтобы быть его достойным.

Корнелия, мать Тиберия, была одной из самых почтенных матрон в римской истории. Как дочь Сципиона Африканского, она обладала огромным влиянием в разросшемся семействе Сципионов. После смерти в 154 г. до н. э. ее мужа, Гракха Старшего, Корнелия видимо твердо решила больше не выходить замуж, – даже отклонила предложение, сделанное ей египетским царем, – вместо этого посвятила себя Тиберию и второму сыну Гаю. Она содействовала их образованию и нанимала признанных греческих наставников, чтобы познакомить мальчиков с самыми передовыми теориями того времени. В одной сомнительной, но впечатляющей истории богатая и знатная женщина как-то продемонстрировала Корнелии гарнитур из прекрасных драгоценностей. Та же в ответ показала на Тиберия с его младшим братом Гаем и сказала: «А это мои драгоценности»[14 - Валерий Максим, «Примечательные поступки и изречения», IV, 4.].

Достигнув совершеннолетия, Тиберий, своим достоинством и умом, внушал восхищение. Он обладал «блестящим интеллектом, честными намерениями и... высшими добродетелями, на которые только способен человек благодаря природе и тренировкам»[15 - Веллей Патеркул, «Римская история», II, 2.]. Тиберий, великодушный человек и красноречивый оратор, двигался по правильному пути, чтобы соответствовать высоким стандартам, заданным его отцом, и стать лидером своего времени.

Чтобы все семейное достояние оставалось под одной крышей, Корнелия устроила брак своей дочери Семпронии с приемным племянником Эмилианом – хотя лично ей тот не нравился. Корнелия считала его слишком надменным и сомневалась, что он заслуживает чести возглавлять семью. По сути, она прилагала значительные усилия над тем, чтобы помешать Эмилиану затмить собой ее сокровища. Корнелия играла на амбициях сыновей, напоминая, что римляне зовут ее приемной матерью Эмилиана, но пока еще не матерью Гракхов.

Несмотря на всю эту семейную драму, Эмилиану пришлось взять сводного брата Тиберия в Африку на осаду Карфагена. Там юноша познал основы воинской жизни. По всем свидетельствам, в качестве солдата он зарекомендовал себя хорошо, заслужил уважение мужчин и даже получил желанную награду за то, что первым взобрался на вражескую стену. Когда Карфаген в 146 г. до н. э. пал, Тиберий Гракх оказался на месте событий, чтобы посмотреть, как он горит.

Когда сын вернулся из Северной Африки, Корнелия с помощью ловких маневров женила его на дочери Аппия Клавдия Пульхра. Новоявленный тесть Тиберия принадлежал к одной из самых знатных в республике патрицианских семей и недавно был назначен *princeps senatus*, т. е. сенатским принцепсом, заняв престижную должность, дававшую ему возможность возглавить список сенаторов и право первого слова в ходе любых дебатов. Но без проблем брак не обошелся: Клавдий был яростным противником Сципиона Эмилиана и Тиберий теперь оказался меж двух огней. Но надо сказать, что в свои двадцать с небольшим лет он уже занимал прекрасное положение, чтобы взлететь намного выше отца. Юноша получил прекрасное образование, обладал прекрасными связями, его уже признавали человеком «большой силы характера, достоинства и красноречия»[16 - Цицерон, «Об ответах гаруспиков», 19, 41.].

Но в отличие от большинства римлян, признания Тиберий добился не на полях сражений, воюя с внешними врагами, а на форуме, противостоя внутренней угрозе нараставшего экономического неравенства.

После Второй Пунической войны, окончившейся в 202 г. до н. э., экономика всей Италии познала невероятный подъем. Легионы, покорившие Испанию, Грецию и Северную Африку, вернулись домой с беспрецедентными богатствами. Один из проконсулов привез из этой кампании как минимум 137,420 фунта необработанного серебра, 600 000 серебряных и 140 000 золотых монет. Отец Тиберия возвратился с 40 000 фунтами необработанного серебра. Это было сумасшедшее богатство, невысказанное для суровых и бережливых римлян на заре республики. Но к концу II века до н. э. Рим с вкусил средиземноморского изобилия.

Свои деньги римские нувориши тратили на различные предметы роскоши: тонкой работы ковры, серебряную утварь с орнаментом, резную мебель, драгоценности из золота, серебра и слоновой кости. Результат притока этих материальных ценностей беспокоил некоторых бдительных сенаторов. Еще в 195 г. до н. э. Катон Старший предупреждал коллег: «Мы забрались в Грецию и Африку, наполненные всеми соблазнами порока, и прибрали к рукам сокровища царей... Боюсь, что не столько мы завладеем ими, сколько они нами»[17 - Тит Ливий, «История от основания города. Периохи», XXXIV, 4.]. Каждые несколько лет Сенат пытался обуздать эту хвастливую демонстрацию богатства, но вводимые в результате ограничения никогда не выполнялись и проходили незамеченными: «по роковому стечению обстоятельств, народ Рима в тот самый

момент приобрел вкус к пороку и получил привилегию ему попустительствовать»[18 - Плиний, «Естественная история», 33, 53.].

Но вся эта история сказочных богатств, ведущих к моральному разложению, касалась лишь небольшого количества знатных семей, контролировавших военные трофеи. Для большинства римских граждан завоевание Средиземноморья означало не процветание, но лишения. На заре республики служба в легионах не имела никакого отношения к способности гражданина заботиться о своей собственности – войны всегда велись недалеко от дома, сооседствуя с периодами сева и сбора урожая. Но когда Пунические войны, продолжавшиеся не один год, рассеяли легионы по всему Средиземноморью, граждан набирали в войско для участия в походах за тысячи миль от родных краев. Из-за этих бесконечных войн семьи из низшего сословия несли на себе «бремя воинской службы и нищеты»[19 - Саллюстий, «Югуртинская война», 41.], а принадлежавшая им земля впадала в состояние крайнего запустения. По возвращении домой демобилизованному солдату, чтобы восстановить землю до прежнего плодородного состояния, чаще всего требовалось время, деньги и силы, которыми он, как правило, не располагал.

Состоятельные знатные семьи еще больше усугубляли резкое деление на богатых и бедных. Подыскивая, во что бы вложить недавно обретенные капиталы, они обнаруживали тысячи заброшенных наделов, которые только и ждали, чтобы их подобрать. Иногда обнищавшие семьи продавали их с охотой, радуясь получить хоть что-то за землю, работа на которой теперь стала для них роскошью. Но упрямец зачастую можно было вынудить отказаться от земли лишь угрозами. А когда эти небольшие наделы, недавно перешедшие к новым владельцам, слились воедино, образовав участки значительно большей площади, аграрный ландшафт Рима изменился – на смену мелким, независимым крестьянским хозяйствам пришли крупные владения, которые контролировали немногочисленные семьи.

Положение этих обездоленных граждан, вероятно, не было бы столь плачевным, получи они возможность работать на этих коммерческих предприятиях. Но непрерывная череда победоносных войн за пределами страны обеспечила приток рабов, хлынувших в Италию сотнями тысяч. Те самые знатные семьи, которые скупили землю, стали покупать рабов для работы в своих широко разросшихся владениях. Спрос на свободную рабочую силу упал в тот самый момент, когда бедные римские семьи согнали с их земель. Как отмечал по этому поводу историк Аппиан, «таким образом, несколько человек чрезвычайно

обогатились, в то время как остальное население Италии ослабело под гнетом бедности, податей и воинской повинности»[20 - Аппиан, «Гражданские войны», I, 7.]

С экономическими реалиями Тиберий в жизни впервые столкнулся достаточно рано. Если верить памфлету, сочиненному впоследствии его братом, «во время поездки по Тоскане Тиберий наблюдал нужду ее обитателей, в то время как землю возделывали, равно как и ухаживали за стадами, варвары-рабы»[21 - Плутарх, «Тиберий Гракх», 8.]. По мнению Гая, именно в тот момент Тиберий впервые всерьез осознал необходимость проведения экономических и социальных реформ. Эта сомнительная история наверняка представляет собой эпизод искусной пропаганды, но в то же время указывает на то, что бедные семьи были лишены традиционного для них уклада жизни, игравшего для них первостепенную роль.

Некоторые из таких граждан, оставшихся не у дел, отправились в города в поисках наемного труда – единственно чтобы обнаружить, что рабы монополизировали этот рынок и там. В итоге большинство оставалось в родных деревнях, образуя новый класс безземельных крестьян, продолжавших работать на своей земле, но в роли уже не владельцев, а нанимателей и исполщиков. Новым землевладельцам такое решение было по душе – крестьян-арендаторов можно было использовать для выращивания низкорентабельных зерновых, а рабов приберечь для получения урожая более прибыльных культур, таких как оливки или виноград. У землевладельцев, склонных к политике, был дополнительный стимул бороться за аренду земли, ведь крестьяне оставались их клиентами, голоса которых учитывались в собрании. Эта новая порода арендаторов-крестьян была навсегда привязана к своим землевладельцам, и выход из этой ситуации мог предложить только кто-то со стороны.

Обострение подобной социально-экономической дезорганизации представляло собой испанское болото, в котором увязли и римляне. Когда в 146 г. до н. э. пали Карфаген и Коринф, могущество которых казалось незыблемым, однако присланные в Испанию полководцы из жадности творили злодеяния, что приводило к упорному сопротивлению со стороны местных жителей. Поэтому каждый год сенат был вынужден набирать новых рекрутов и отправлять их на Иберийский полуостров для участия в кампаниях, продолжительность которых никто предсказать не мог. Там им предстояло сражаться с врагом, специализировавшимся на стычках, которые приводили в упадок боевой дух. В качестве награды за службу эти новобранцы по возвращении домой

обнаруживали, что их хозяйства разорены.

Когда непопулярность войн в Испании стала нарастать, потенциальные рекруты решили бросить консулам вызов. В отсутствие других возможностей они опять же обратились за помощью к трибунам. Те были древними стражами плебеев, однако в последнее столетие их поглотил сенат. Но поскольку граждане опять страдали от деспотичного произвола знати, трибуны вспомнили о своем священном мандате защищать простолюдинов от злоупотреблений. В 151 г. до н. э. и 138 г. до н. э. слишком агрессивный призыв в войска заканчивался тем, что трибуны держали консулов под арестом до тех пор, пока те не шли на попятный. У трибунов были все права бросить консулов в тюрьму, но это все равно был скандальный вызов власти знати.

Чтобы успокоить потенциальных рекрутов, сенат предпринял попытку сделать жизнь в легионах чуть менее суровой. Службу ограничили шестью годами, а солдат наделили правом оспаривать взыскания, наложенные командирами. Но это, в конечном итоге, почти никак не подняло боевой дух легионеров в Испании. В 140 г. до н. э. ветеранов, прослуживших шесть лет, демобилизовали, а вместо них набрали неопытных новобранцев. Эти новоявленные солдаты «в отсутствие убежищ испытали на себе суровые холода; не привыкшие к воде и климату страны, заболели дизентерией, многие из них умерли»[22 - Аппиан, «Войны в Испании», XIII, 78.]. Такие сведения вряд ли разместишь на плакате с рекламой воинского призыва.

Увидев, что их избирателей сгоняют с земли или насильно отправляют воевать в испанской трясине, трибуны стали предпринимать первые шаги с тем, чтобы усмирить власть знати. В истории республики граждане всегда голосовали вслух – могущественным патронам полагалось пребывать в полной уверенности, что клиенты выразили свою волю как им было велено. В 139 г. до н. э. один из трибунов провел провокационный закон, настаивавший на тайном голосовании на выборах. Два года спустя действие этого документа распространилось и на судебные органы. Чтобы ощутить последствия данных реформ, понадобилось время, но одобрение тайного голосования оказалось сокрушительным ударом по основам сенатской олигархии.

Внимательно наблюдая за состоянием дел в Италии в 130-х гг. до н. э., некоторые представители знати могли заметить и более серьезную проблему. Для зачисления в легионы рекруты должны были обладать определенным минимумом собственности, но когда богатые стали сгонять бедных с их земли,

граждан, отвечающих этим минимальным требованиям, стало меньше. С подобными кризисами римляне сталкивались и раньше, в ответ снижая упомянутые минимальные требования, чтобы нанять больше людей. Однако к середине II в. до н. э. очень многие не могли соответствовать даже самым минимальным стандартам для прохождения воинской службы. Поэтому консулам, чтобы вести войны, приходилось полагаться на ограниченные внутренние человеческие ресурсы, сокращавшиеся все больше и больше, и на провинциальные гарнизоны.

На фоне водоворота этих социально-экономических проблем, в 137 г. до н. э. Тиберий Гракх избрали квестором. Теоретически это должно было стать первым рутинным шагом на его продвижении по «пути чести», но на деле чуть не обернулось крахом его публичной карьеры, едва эта карьера началась. Получив назначение в войско под командованием консула Гая Гостилия Манция, весной 137 г. до н. э. Тиберий высадился в Испании, чтобы продолжить войну с нумантинцами – кельтиберским племенем, которому удалось устоять против любых попыток римлян их усмирить. По прибытии на место Тиберий оказался причастен к одному из самых досадных поражений из всех, какие когда-либо наносились легионам. Консул Манций был гораздо более искусным ученым, нежели солдатом, и опытные нумантинские воины на фоне его неуклюжих маневров могли без труда заткнуть его за пояс. После череды бездарно проведенных боевых столкновений, Манций под покровом темноты решился на стратегический отход, но когда взошло солнце, обнаружил, что его армия окружена.

Нумантинские предводители, в прошлом уже становившиеся жертвами римского коварства, потребовали, чтобы на переговоры прислали юного Тиберия Гракха. Лет за тридцать до этого, при посредничестве отца Тиберия, служившего тогда в Испании, с нумантинцами был подписан справедливый мирный договор, фамилию Гракха они хорошо запомнили и теперь полагали, что сын, как и отец, тоже будет вести честную игру. Во время своего первого похода, когда над тридцатью тысячами человек нависла угроза, Тиберий, в результате переговоров, добился соглашения, которое обеспечивало легионам безопасный выход из района боевых действий в обмен на обещание мира в будущем.

В тех обстоятельствах Тиберий мало что еще мог сделать, когда до Рима докатилась весть об этой капитуляции, сенаторы взялись наперегонки голосить, не жалея унижительных слов. Сенат вызвал в Рим Манция вместе со всем его

высшим командованием для того, чтобы объяснить это трусливое поражение. И хотя тот в смущении попытался оправдать свое поведение, сенаторы грубо и оскорбительно поставили его на место, лишили звания консула и приказали отвезти к нумантинским вратам в кандалах в знак того, что Рим отвергает подписанный договор. В ответ нумантинцы отослали Манция обратно, сопроводив посланием о том, что «брешь в доверии к нации нельзя заделать кровью одного человека»[23 - Веллей Патеркул, «Римская история», II, 1.].

Тиберий и другие младшие офицеры избежали официального порицания за роль, сыгранную ими в этом скандале, но от яростного словесного осуждения это их отнюдь не уберегло. Он не надеялся, что по возвращении домой его будут чувствовать как героя, но накал брани в его адрес со стороны сената казался непропорциональным его «преступлению». Он ведь не сделал ничего плохого, лишь спас несколько десятков тысяч человек от верной смерти – или, может, Сенат полагал, что он предпочтет массовое самоубийство? Но когда Тиберий вышел из здания, где тот заседал, его, на контрасте с фарисейской яростью местных стариков, встретили приветственные возгласы членов семей спасенных им людей.

Когда он зализал свои политические раны, впереди его ждал путь искупления, выможенный сенаторами, решившими возродить сословие граждан – мелких крестьян. Эти реформаторы как раз стряпали новый закон под названием *Lex Agraria*, который, как они надеялись, сможет переломить продолжавшуюся уже не первое десятилетие тенденцию к нарастанию экономического неравенства. Они полагали, что наткнулись на гениальный метод перераспределения земель богачей в пользу бедных, не нарушая железобетонные права на частную собственность, определенные римским правом. И желали сосредоточить свои усилия исключительно на *ager publicus*, незаконно занятых состоятельными скваттерами.

Как вы, вероятно, уже догадались, бросив взгляд на латынь, *ager publicus* представляли собой не что иное, как общественные земли. Завоевая Италию, римляне обычно подвергали конфискации треть территории побежденного врага, обращая ее в общественные земли, принадлежавшие государству. На заре республики на таких землях обустроивались римские колонии, но во времена Тиберия их, как правило, сдавали в аренду частным нанимателям, которые обрабатывали их, отдавая взамен часть урожая. Желая помешать богатым семьям монополизировать государственные земли, собрание приняло

закон, в соответствии с которым ни одна из них не могла взять в аренду больше пятисот югеров (около трехсот акров) общественных земель. Но в большинстве случаев этот запрет попросту игнорировали. Магистраты, которым поручалось следить за соблюдением введенного предела, сами были состоятельными землевладельцами, занимавшими лишние общественные земли, поэтому все сговорились никого за такой проступок не ловить.

Правовое обоснование *Lex Agraria* представлялось простым: запрет на аренду свыше пятисот югеров планировалось неукоснительно соблюдать. И каждого уличенного в том, что он занял общественную землю сверх законной нормы, заставляли возвращать излишек государству. Впоследствии его следовало поделить на небольшие наделы и распределить между безземельными гражданами. Поскольку весь смысл реформы сводился к возрождению класса мелких землепашцев, в правовом акте содержалась норма о том, что полученные таким образом наделы нельзя ни дробить, ни продавать. Авторы *Lex Agraria* не хотели отдавать земельный надел бедняку только для того, чтобы потом он, передумав, продал ее обратно богачу.

Как ни странно, сенаторы, которые готовили этот закон о радикальной реформе, были не заурядными агитаторами, околавившимися на задних скамьях, а одними из самых могущественных людей в Риме. Во главе их группировки стоял тесть Тиберия Аппий Клавдий Пульхр, на тот момент сенатский принцепс. К нему присоединились и два прославленных брата: состоятельный ученый и законовед Публий Лициний Красс Муциан и Публий Муций Сцевола, один из самых уважаемых теоретиков права своего поколения. К группе реформаторов Клавдия примкнули и другие видные сенаторы, равно как и восходящие политики из числа молодых представителей знати. Был среди них и Тиберий Гракх.

Для историков один из самых противоречивых аспектов *Lex Agraria* заключается в том, кто именно, в соответствии с законом, получал право на надел земли – только римские граждане или также их союзники из числа италиков, которые не имели гражданства. Италики в значительной степени составляли собой личный состав легионов, и Тиберий лично тревожился за их положение, «сокрушаясь, что народ, столь доблестный в войне и связанный с римлянами кровными узами, постепенно скатывался в нищету и становился все малочисленнее, без всякой надежды отыскать против этого средство»[24 - Аппиан, «Гражданские войны», I, 9.]. Но каковы бы ни были первоначальные намерения, свидетельств о том, что италиков, в конечном счете, включили в программу перераспределения земель,

не существует. Борьба за принятие Lex Agraria стала одной из первых проверок готовности римлян обращаться с италиками как с равными, хотя этот момент и не представляется очевидным.

Кроме того, историки до сих пор спорят о мотивах, которыми руководствовались авторы закона. Они могли действовать, исходя из благородных принципов, и попросту хотели возродить класс граждан-крестьян, пополнив резервы живой силы для службы в легионах. Но могло быть и так, что этот правовой акт задумали лишь для того, чтобы пополнить ряды политических сторонников их авторов тысячами новых клиентов. По традиции тот, кому поручалось распределение земель, включал получавшие их семьи в перечень своих клиентов. И именно здесь может обнаружиться источник непримиримой оппозиции данному закону. Ведь Lex Agraria предлагал взять всех обнищавших ипольщиков, изначально привязанных к своему землевладельцу, и заставить их присягнуть на политическую верность фракции Клавдия – что представляло собой недопустимое смещение баланса власти в сенате.

Столь противоречивый и влекущий за собой такие серьезные последствия закон готовился не по велению импульса. Клавдий, Сцевола и Муциан не один год тщательно изучали римское право, устанавливая, как будет производиться контроль за его соблюдением и кто будет рассматривать спорные претензии. Но после окончательной разработки законопроекта им оставалось лишь дожидаться надлежащего часа и поручить нужному человеку его представить. С этой целью Клавдий приглядывался к своему талантливому зятю Тиберию, который на тот момент как раз пытался отмыться от позора нумантинского дела.

Пока авторы Lex Agraria дожидались удобного момента, чтобы представить свой законопроект, в Испании продолжалась война, далекая от всякой популярности. Два года после того, как сенат отверг подписанный Тиберием договор, тянулись бои, в которых ни одна из сторон не обладала решающим перевесом, – гибло больше людей, разрушалось больше крестьянских хозяйств, все больше семей покидали родные места – без ощутимой выгоды и ясной цели. Народ Рима уже был сыт этим всем по горло и поэтому, как и в случае с конфликтом против Карфагена, обратился к Сципиону Эмилиану, чтобы раз и навсегда положить войне конец. Но столкнулся с той же проблемой, что и тогда: формально Эмилиан не имел права выставлять свою кандидатуру. Если за пятнадцать лет до этого вопрос сводился к чрезмерной молодости кандидата, то теперь препятствием служил принятый недавно закон, запрещающий человеку, за свою

карьеру уже послужившему консулом, избираться еще раз. Но подобно тому, как собрание когда-то приостановило действие возрастного ценза, позволив Эмилиану выдвинуть свою кандидатуру на должность консула в 147 г. до н. э., в отношении запрета повторно избираться на этот пост для него тоже сделали исключение.

Учитывая способность Эмилиана добиваться от собрания особого к нему отношения, в последующие годы его карьера стала образцом для амбициозных политиков. Он продемонстрировал, с какой легкостью можно манипулировать этим сборищем для удовлетворения личных устремлений – принуждая его приостанавливать действие неудобных для него норм. Но этот опасный пример стал не единственным, который подал Эмилиан. В ходе избирательной кампании 134 г. до н. э. он пообещал набрать рекрутов из своих многочисленных клиентов. В Риме Сципионы тогда были центром политического притяжения, поэтому многие друзья и союзники с готовностью согласились сопровождать Эмилиана в Испанию, в том числе и младший брат Тиберия Гай. Создав личный легион из четырех тысяч человек, он мог отправиться в Испанию, не прибегая к принудительному набору на воинскую службу. На тот момент это была положительная и желанная реакция на ситуацию, требовавшую немедленного вмешательства, но тем самым он создал прецедент знатного вельможи, собравшего под своими знаменами личную армию из собственных клиентов – легион, преданность которому могущественному вельможе могла перевесить его преданность сенату и народу Рима.

Но с точки зрения Клавдия отъезд Эмилиана в Испанию означал, что его блистательного политического оппонента как минимум год не будет в Риме. Убрав с дороги главного соперника, он не стал терять даром времени и поручил своему зятю Тиберию Гракху протащить Lex Agraria в сенате до того, как его кто-то сможет остановить.

Через несколько месяцев после отъезда Эмилиана в Испанию, Тиберий Гракх выставил свою кандидатуру на выборах трибуна. Эта должность слегка недотягивала до его ранга, и если бы не нумантинское дело, подпортившее ему виды на будущее, Тиберий, скорее всего, принял бы участие в выборах сразу эдила, чтобы подготовиться на будущее неизбежное избрание претором, а затем и консулом. Но с учетом того, что ему предстояло отмыться от позора испанского фиаско, он вполне мог использовать этот год в должности трибуна и дерзко вернуться на передний край римской политики.

Перед его вступлением в должность реформаторы Клавдия предложили Lex Agraria на рассмотрение коллегам по сенату, но натолкнулись на невероятное сопротивление. Занимая в течение многих лет *ager publicus*, эти богатые землевладельцы стали считать данные общественные земли своей личной собственностью. Они вкладывали в них средства, улучшали, закладывали под займы, отдавали в качестве приданого и завещали наследникам. Желая ослабить их сопротивление, авторы пошли на ряд уступок: предложили за захваченные общественные земли компенсацию, обеспечили чистым правовым титулом оставшиеся пятьсот югеров и подняли верхнюю планку для больших семей. Но даже с такими послаблениями значительная часть сената намеревалась во что бы то ни стало отклонить законопроект. О том, чтобы конфисковать их земли и передать их ленивой толпе, попросту не могло быть и речи. С учетом враждебной позиции большинства сената, Клавдий решил отойти от традиций предков и поручил Тиберию представить законопроект непосредственно Собранию, лишив сенаторов возможности официально высказать свое мнение. Закона, гласящего, что законопроект в обязательном порядке надо представить сначала сенату, и только потом собранию, не существовало – просто раньше всегда делалось только так и не иначе. Провокационная уловка Тиберия всех взбудоражила и взвинтила. В декабре 134 г. до н. э., вскоре после вступления в должность, он предстал перед собранием и заявил о намерении принять закон о перераспределении общественных земель, занятых богачами, в пользу бедных.

По римским правилам, после представления законопроекта до голосования по нему должно было миновать три рыночных дня. Поскольку рынок торговал примерно раз в неделю, то промежуток между этими двумя событиями составлял от восемнадцати до двадцати четырех календарных дней. Такая отсрочка давала тем, кто обладал правом голоса, время, чтобы приехать в Рим и проголосовать. И поскольку Тиберий вызвал волну неподдельного негодования, за эти три недели обедневшие граждане, которые лишились земель, хлынули в Рим, «будто реки в океан, готовый все в себя принять»[25 - Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXXIV–XXXV. 6.]. Чтобы поддержать законопроект, среди прочих приехали и италики, не имевшие права голосовать. Но даже лишенные голоса, они могли выразить свою физическую и моральную поддержку закону о перераспределении земель. В эти недели Тиберий постоянно обращался к гражданам на форуме, чтобы задействовать и консолидировать их энергию. И планировал, что когда дойдет до голосования, в собрании у него будет значительное, энергичное большинство.

По прошествии трех рыночных дней Тиберий созвал на Капитолийском холме собрание, чтобы рассмотреть Lex Agraria. Все пространство заполнили собой те, кто обладал правом голоса, придав площади перед храмом Юпитера «облик моря, покрытого штормовыми волнами»[26 - Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXXIV–XXXV. 6.]. Перед официальным представлением Тиберий выступил в защиту Lex Agraria, произнеся речь всей своей жизни. Гракхов учили лучшие ораторы Средиземноморья, а непоколебимое спокойствие и достойное поведение на сцене он довел до совершенства. Тиберий не расхаживал по трибуне и не бил себя в грудь. Лишь совершенно неподвижно стоял, давая неотъемлемой силе своих аргументов без остатка завладеть вниманием аудитории. По утверждениям Плутарха, Тиберий спокойно встал посреди форума и бесстрастно произнес речь в защиту рядовых граждан Рима.

«У каждого дикого зверя, который бродит по Италии, есть своя пещера или логово, чтобы в нем укрыться, – сказал он, – люди, сражающиеся и умирающие за Италию, наслаждаются общим воздухом и светом... но не более того; бездомные и лишенные крова, они скитаются со своими женами и детьми»[27 - Плутарх, «Тиберий Гракх», 9.]. Взывая к воображению италиков, покинувших родные места из-за нищеты и войн, он сказал: «Своими лживыми устами командиры призывают солдат защищать в бою от врага святилища и могилы... но они сражаются и умирают за других, живущих в богатстве и роскоши»[28 - Плутарх, «Тиберий Гракх», 9.]. Для среднего римлянина эти разрушительные войны обернулись недопустимой иронией: «и хотя их именуют повелителями мира, у них в собственности нет ни клочка земли»[29 - Плутарх, «Тиберий Гракх», 9.].

Доведя собрание до слез, Тиберий попросил секретаря перед голосованием зачитать законопроект, ничуть не сомневаясь в своей победе. Но оказалось, что сенатские оппоненты Lex Agraria эти три недели тоже не сидели сложа руки. Зная, что голосование им не выиграть, они призвали в свои ряды Марка Октавия, такого же трибуна, как Тиберий, чтобы никаким образом не допустить никакого волеизъявления. Одним из мощнейших инструментов, имевшихся в распоряжении трибуна, было право вето – буквально означавшее «я запрещаю». Любой трибун мог наложить вето на что угодно, в любое время и по какой угодно причине, отменить его не было дано никому, даже другому трибуну. Поэтому, когда секретарь встал, чтобы в соответствии с процедурой зачитать закон, Марк Октавий выступил вперед и запретил это делать своим вето. Весь процесс застопорился. Голосование нельзя было начинать, пока секретарь не зачитает законопроект, поэтому пока Октавий будет настаивать на своем вето, о

волеизъявлении не могло быть и речи. Когда заседание зашло в тупик, Тиберий объявил в его работе на день перерыв.

Не в состоянии сломить противодействие великодушному законопроекту, Тиберий и его сторонники из лагеря Клавдия решили, что лучшим средством в сложившейся ситуации будет сплотить простолюдинов, на которых они опирались, превратив богачей в негодяев. Перед следующим голосованием Тиберий отозвал из законопроекта дружественные уступки, чтобы Lex Agraria стал «привлекательнее для большинства и суровее для злодеев»[30 - Плутарх, «Тиберий Гракх», 10.]. Если повезет, давление со стороны народа вынудит Октавий отозвать наложенное им вето и обеспечит голосование за законопроект, в котором они одержат уверенную победу.

В перерыве между двумя заседаниями собрания Тиберий и Октавий каждый день являлись на форум и устраивали публичные дебаты о достоинствах Lex Agraria. Форум не очень большой, и речи на нем можно было произносить с нескольких трибун – как во время музыкальных фестивалей используется несколько сцен, – поэтому их аудитории нередко сталкивались друг с другом. В столь ограниченном пространстве Тиберий и Октавий зачастую даже лично вступали друг с другом в перепалку. Тиберий, в душе которого все больше нарастало отчаяние, пообещал заплатить достойную цену и купить все общественные земли, которыми завладел Октавий, если тот прекратит противиться законопроекту, – намекая, что своими корнями его противодействие уходит не в возвышенное гражданское чувство, а в банальный корыстный интерес. Но Октавий упорно отказывался сдаваться.

Когда традиционные дебаты и убеждение так и не смогли вывести их из безвыходного положения, Тиберий решил прибегнуть к радикальному средству. Он пообещал налагать вето на любые общественные дела до тех пор, пока Октавий не пойдет на попятную. Затем отправился в храм Сатурна и запер собственной печатью государственную казну, чтобы «нельзя было делать никаких привычных дел: чтобы магистраты не могли выполнять свои традиционные обязанности, чтобы остановили свою деятельность суды, чтобы нельзя было заключить никаких соглашений, чтобы царили хаос и беспорядок»[31 - Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXIV, 83.]. После этого Тиберий еще больше накалил и без того напряженную атмосферу. Ссылаясь на доклады о том, что враги собрались его убить, он стал носить короткий меч, пряча его под накидкой, и постоянно ходил в окружении тысяч верных последователей.

Но когда собрание созвали во второй раз, чтобы рассмотреть Lex Agraria, Октавий остался непреклонен. Он опять наложил на прочтение законопроекта свое вето, и сессия, в конечном итоге, вылилась в лавину взаимных угроз. Два сенатора вышли вперед и потребовали от сцепившихся трибунов представить их дело на рассмотрение палаты. Тиберий все еще лелеял надежду, что сенат может пойти на ту или иную сделку. В том, что за закон проголосуют подавляющим большинством, если дело дойдет до голосования, никто не сомневался. Отзывая в прошлом свое вето при рассмотрении народных законопроектов, трибуны при этом выражали символически свое неодобрение, но ни один из них ни разу не противился воле народа до упора. Традиционной силой «обычая предков» Октавий должен был обеспечить голосование по Lex Agraria. Никогда раньше трибун не препятствовал с таким упрямством столь ясно выраженным народным устремлениям. Сенат наверняка вынудит Октавия прекратить сопротивление.

Но вместо того, чтобы выступить в роли посредников, собравшиеся сенаторы, воспользовавшись возможностью, стали осыпать Тиберия оскорблениями – в точности как после нумантинского дела. Письменных свидетельств о том, кто и что говорил, не сохранилось, но Аппиан пишет, что «богатые отругали»[32 - Аппиан, «Гражданские войны», I, 12.] Тиберия. Они не только не надавили на Октавия, чтобы тот пошел на компромисс, но и активно присоединились к нападкам на Гракха. Противившиеся законопроекту сенаторы наверняка злобствовали по поводу его содержания, по поводу политической тактики Тиберия и, не исключено, его личного характера. Заседание закончилось безрезультатно, дилемма так и не была решена, а сам Тиберий злился больше, чем когда-либо до этого.

Не в состоянии добиться успеха традиционными мерами, к следующему собранию он подготовил беспрецедентный законопроект. Утверждая, что трибун, который бросает вызов воле народа, был уже совсем не трибун, Тиберий обратился к собранию с предложением сместить Октавия с должности. Закона, гласящего, что трибуна нельзя уволить со своего поста, не существовало, но это шло вразрез со всеми традициями предков. До этого ни один трибун не обращался к собранию с ходатайством отстранить коллегу от исполнения обязанностей. Это было неслыханно. Но стараниями Тиберия здание собрания вновь заполнили его сторонники, зловеще окружившие возвышение и бросая вызов каждому, кто мог бы встать на пути их предводителя.

Не желая, чтобы из-за него вспыхнул бунт, Октавий предпочел роли непоколебимого самоубийцы ампула принципиального мученика и не стал налагать вето на голосование по его отстранению от должности. Собрание, если у его членов было такое желание, могло его сместить, и Тиберий призвал всех обладающих правом голоса приготовиться к голосованию. При волеизъявлении римляне делились на тридцать пять триб, каждая из которых обладала одним коллективным голосом. Отдельные члены трибы по очереди подходили к урне и бросали в нее свои бюллетени. По окончании они подсчитывались и те, которых было больше, определяли коллективный голос всей трибы. Затем процедура повторялась для следующей трибы и так до тех пор, пока большинство триб не выражали свое согласие.

Когда проголосовала первая триба, глашатай объявил результат: один голос за смещение. Понимая, что своими действиями он подстрекает к беспрецедентному удару по коллеге-трибуну, Тиберий после этого первого раунда голосования остановил всю процедуру и попросил Октавия отозвать свое вето. Но тот отказался. Когда бюллетени сложили следующие шестнадцать кланов, выяснилось, что все они высказались за отстранение строптивного трибуна от должности. На пороге победы, Тиберий опять остановил голосование и дал Октавию последний шанс уступить. И снова получил отказ. Тогда бросил свои шары восемнадцатый клан. Когда дело было сделано, глашатай объявил, что большинство проголосовало «за»: Октавия сместили с его поста. Лишившись звания трибуна, он больше не мог пользоваться защитой, гарантированной ему должностью, и оказался под угрозой зловеще надвигавшейся толпы. Бежать ему удалось лишь благодаря горстке друзей, сумевших пробиться сквозь сборище народа и вывести его из здания собрания.

Отстранение Октавиана от должности ознаменовало собой решающий перелом в битве за Lex Agraria. Пока Тиберий не совершил свой роковой шаг, ему в значительной степени оказывали поддержку коллеги-трибуны и сторонники в сенате. Но после этих безрассудных нападков на другого трибуна, он стал чем-то вроде ядовитой змеи для элиты, консервативной по своей природе. Его тесть Клавдий по-прежнему был на его стороне, но многие другие, в теории выступающие за реформу, перед лицом столь яростного сопротивления с радостью отложили бы голосование, давая страстям немного улечься, чтобы предпринять новую попытку через год-два. Однако Тиберий не мог позволить себе проиграть. От одобрения Lex Agraria зависела вся его будущая карьера, и он был готов на что угодно, чтобы этот законопроект провести. На тот момент его тактика сработала. Тиберий Гракх выиграл битву. Устранив с дороги Октавиана, собрание подавляющим большинством одобрило Lex Agraria.

Противоречивый законопроект теперь стал законом.

Lex Agraria предусматривал создание комиссии из трех человек, которым поручался надзор над общественными землями, определение их собственников и раздел. Желая гарантировать надлежащее исполнение этой программы (а заодно монополизировать политические заслуги за перераспределение земли), Тиберий убедил собрание избрать первыми тремя членами данной комиссии его самого, его тестя Клавдия, а также брата Гая, которому на тот момент был двадцать один год. Пока все шло хорошо. Однако вскоре Тиберий понял, что принять закон это одно, а воплотить его положения в жизнь – совсем другое.

Не в состоянии воспрепятствовать превращению законопроекта в закон, сенатские консерваторы нанесли ответный удар, припрятав в рукаве ряд собственных козырей. Теперь оппозицию возглавлял pontifex maximus (великий понтифик, глава коллегии понтификов) Публий Сципион Назика, выходец из более консервативной ветви клана Сципионов. Обладая общественными землями, значительно превышавшими положенные пятьсот югеров, он придумал против комиссии оскорбительный ход. Ассигнование фондов финансирования труда людей и приобретения всего необходимого для надзора за реформой, реализация которой требовала небольшой армии секретарей, мелких чиновников, землемеров, архитекторов, а также повозок и мулов, возлагалось на сенат. По настоянию Назики, сенат проголосовал за выделение на эти цели совсем незначительной суммы, способной покрыть разве что ежедневные расходы самих членов комиссии. Эта точно рассчитанная скупость превратила Тиберия в капитана корабля без весел. Его такой оборот вывел из себя, но делать было нечего.

Вскоре после нанесения ему этого удара скоропостижно скончался один из ближайших соратников Тиберия, причем возникли подозрения, что его смерть была насильственной. Гракх, которого все больше охватывала паранойя, и без того уже окружил свою семью неофициальной когортой друзей и клиентов, выступавших в роли ее постоянной личной стражи, – а сейчас он нуждался в охране больше, чем когда-либо. То ли разыгрывая перед толпой спектакль, то ли действительно опасаясь за свою жизнь, Тиберий облачился в траурные одежды и привел на Собрание детей, «умоляя народ позаботиться о них и их матери, утверждая, что уже распрощался с жизнью»[33 - Плутарх, «Тиберий Гракх», 13.].

Но тут вмешалась судьба, изменив ход истории Рима, и государственную политику, как бывало уже не раз, определили события далеко за пределами берегов Италии. В данном случае таким событием, случившимся в далеких краях, стала смерть царя Аттала III Пергамского. Пергам был греческим царством, расположенным на побережье Эгейского моря на территории нынешней Турции. Сыновей у Аттала не было, и он, опасаясь, что после его смерти между потенциальными наследниками вспыхнет яростная борьба за трон, завещал все свое царство вместе с сокровищницей народу Рима.

О смерти Аттала Рим узнал вскоре после принятия Lex Agraria, причем об условиях завещания Тиберию сообщили одним из первых. Его отец когда-то входил в состав сенатского посольства, закрепившего союз между Римом и Пергамом, поэтому конвой, привезший в город последнюю волю царя, остановился в доме Гракхов. Опережая на шаг врагов, Тиберий созвал комиций и заявил, что поскольку «наследником в завещании Аттала указан народ Рима»[34 - Луций Анней Флор, «Эпитомы римской истории», I, 35, 20.], то распоряжение царской сокровищницей и управление новой провинцией в будущем должно быть возложено на Комиций. Следующим шагом он провозгласил, что часть сокровищницы царя Аттала следует направить не только на финансирование работы земельной комиссии, но даже на выделение новым собственникам начального капитала.

Эта дерзкая, тщательно продуманная уловка привела сенатских консерваторов в ярость. В соответствии со всеми традиционными канонами, именно сенат обладал полной свободой действий в распоряжении государственными финансами и определении внешней политики. Полибий, прекрасно разбиравшийся в республиканском политическом устройстве, утверждал, что сенат «контролирует казну, все доходы и регулирует расходы»[35 - Полибий, «Всеобщая история», VI, 13.], а также «самостоятельно отправляет в страны за пределами Италии посольства для... урегулирования разногласий»[36 - Полибий, «Всеобщая история», VI, 13.]. Народ, по его словам, «не имеет к этому ни малейшего отношения»[37 - Полибий, «Всеобщая история», VI, 13.]. Предъявляя права на Пергам, Тиберий попытался бросить вызов одновременно и одной, и другой прерогативам. Собравшийся на заседание Сенат объявил Тиберия безрассудным демагогом, стремящимся стать тираничным деспотом.

Немного погодя, желая то ли получить правовой иммунитет, гарантированный его должностью, то ли не допустить скатывания земельной комиссии в продажность и лживость (а может и то и другое вместе), Тиберий сделал еще

одно шокирующее заявление о намерении повторно участвовать в выборах. В Риме не существовало закона, запрещавшего трибуну избираться на следующий срок, но на фоне всепоглощающей силы обычая предков подобная претензия выглядела беспрецедентной. Для его политических врагов это было железобетонным доказательством стремления Тиберия сделаться тираном. Контролируя государственные финансы, распределение собственности, внешнюю политику и отстаивая право на постоянное переизбрание, Тиберий Семпроний Гракх де-факто станет царем.

К несчастью для него самого, перед приближавшимися летними выборами 133 г. до н. э. его политическое могущество опустилось до небывало низкого уровня. Во время баталий за аграрный закон он мог рассчитывать, что на его стороне выступит монолитная масса обладающих правом голоса крестьян. Вполне возможно, что Тиберию с таким трудом удавалось вновь мобилизовать своих сторонников на участие еще в одном спорном голосовании из-за того, что на тот момент как раз была в разгаре жатва. Но с равной долей вероятности всему виной могли быть консерваторы, которые решили любой ценой не допустить его переизбрания. Стоило им дать понять, что они больше не выступают против и что перераспределение земель будет идти своим чередом и дальше, независимо от того, станет Тиберий трибуном или нет, как грядущие выборы тут же потеряют свою актуальность и многие избиратели, имеющие право голоса, останутся дома.

В отсутствие привычного фундамента сторонников, за необходимыми ему голосами Гракх обратился к городским избирателям. Поскольку земельная реформа никогда не представляла интереса для плебеев в городах, Тиберий расширил свою предвыборную платформу, включив в нее дальнейшие ограничения в отношении воинской службы, право оспаривать вынесенные судьями вердикты и запрет сенаторам входить в состав судебных жюри. На позднем этапе существования республики последний пункт стал одним из крупнейших фронтов политических сражений, хотя на тот момент представлял собой лишь бессодержательное предложение, над которым еще никто не работал.

В духе все того же драматизма, перед выборами Тиберий вновь облачился в траурные одежды и повсюду появлялся вместе с детьми, вымаливая у своих сторонников обещания позаботиться о них, если с ним что-то случится. А ночь накануне финального волеизъявления спал в окружении вооруженной личной

стражи.

На следующий день с самого раннего утра сторонники Тиберия заполнили пространство вокруг храма Юпитера на Капитолийском холме, чтобы гарантированно взять под свой контроль площадку для голосования. Когда в сопровождении личной стражи явился он сам, толпа встретила его одобрительными возгласами и аплодисментами. А его противники, по прибытии на место, даже не смогли пробиться сквозь плотный строй сторонников Гракха. Услышав обращенный к трибам призыв голосовать, он так и не сумел пройти к урнам, избиратели из противоположного лагеря попытались проложить себе путь силой, после чего в толпе вспыхнула потасовка. Из-за этой стычки голосование немедленно приостановили.

Тем временем в храме Фидес, буквально за углом Капитолийского храма, на свое заседание собрался сенат. Распространился слух, что Тиберий вознамерился сместить всех остальных трибунов и готовился стать единовластным монархом. В то утро сенат возглавлял не кто иной, как консул Муций Сцевола – один из авторов *Lex Agraria*. Назика и другие яростные противники потребовали от него что-нибудь предпринять, но консул ответил, что «не станет прибегать к насилию и ни одного гражданина не предаст смерти без суда; однако если народ, убежденный или принужденный Тиберием, проголосует за какое-то беззаконие, то такое голосование он посчитает принудительным» [38 - Плутарх, «Тиберий Гракх», 19.].

Взбешенному Назике этого оказалось недостаточно, поэтому он в ответ встал и сказал: «Пусть те, кто спасет нашу страну, последуют за мной» [39 - Аппиан, «Гражданские войны», I, 16.]. После чего надел официальное одеяние великого понтифика и возглавил толпу его единомышленников – сенаторов и клиентов. Все вместе они двинулись к храму Юпитера. Поскольку носить оружие в Померии – в священных границах города – было запрещено, Назика с его сторонниками в основном вооружились ножками от столов и другими импровизированными дубинками. И хотя предстоящее нападение никто заранее не планировал, было очевидно, что они, дабы разогнать толпу, желавшую сделать Тиберия Гракха римским царем, намеревались воспользоваться силой.

Тем временем Тиберия, стоявшего на трибуне, предупредили о приближавшейся толпе. Его люди развернулись и приготовились к бою, но дрогнули, увидев толпу с участием сенаторов, возглавляемую самим великим понтификом. Хотя Тиберий уже начал отступать, люди Назики все равно агрессивно ринулись вперед и

набросились на толпу. Как только их стали бить и награждать тумаками, сторонники Тиберия, естественно, дали отпор. Практически все жертвы в последовавшей стычке понесла одна сторона – люди Тиберия были без оружия и для шайки Назики каждый из них представлял легкую добычу. Многих из них, зажатых в угол на ограниченном пространстве перед храмом Юпитера, затоптали ногами, было немало и таких, кто разбился насмерть, упав с крутых склонов Капитолийского холма. Когда улеглась пыль, на земле остались лежать три сотни трупов.

Главной целью этого нападения, конечно же, был сам Тиберий, и реакционным сенаторам понадобилось совсем немного времени, чтобы обнаружить свою жертву. У входа в храм Юпитера Гракх споткнулся о труп человека, павшего до этого, и не успел даже встать, как на него напали сенатор и один из других трибунов. Хотя сам Тиберий тоже был трибун, что теоретически гарантировало ему неприкосновенность, эта парочка забила его до смерти ножками от скамьи. Как писал историк Аппиан, «вот как, оставаясь по-прежнему трибуном, умер Гракх, сын того самого Гракха, который дважды был консулом, и Корнелии, дочери того самого Сципиона, который отнял у Карфагена его превосходство. Он лишился жизни вследствие самого замечательного плана, реализованного с чрезмерной жестокостью; и это ужасное преступление, первое из всех, совершенных в народном собрании, впоследствии редко оставалось без параллелей, повторявшихся время от времени»[40 - Аппиан, «Гражданские войны», I, 17.].

Это был один из самых кровавых дней во всей политической истории Рима, хотя Плутарх и преувеличивает, утверждая, «что после упразднения монаршей власти это был первый в Риме бунт, приведший к кровавой бойне и смерти граждан»[41 - Плутарх, «Тиберий Гракх», 20.]. Но при реализации римской политики, по крайней мере на памяти живущих, к насилию никто не прибегал. И вот теперь сотни граждан сложили головы на Капитолийском холме. Кто бы как ни относился к Тиберию Гракху и его Lex Agraria, зрелище наверняка было шокирующим. Основной причиной кризиса 133 г. до н. э. стали опасные взаимные маневры на грани войны. Тиберий проигнорировал сенат, Октавий наложил вето на прочтение закона, после чего Тиберий заморозил все общественные дела. А когда Октавий проявил несгибаемость, Тиберий отстранил его от должности, в ответ на что сенат отказал земельной комиссии в финансировании деятельности, а Тиберий после этого завладел средствами, полученными Римом по пергамскому завещанию, и выставил свою кандидатуру на повторные выборы. Кульминация же всего этого наступила в тот момент, когда Назика возглавил вооруженную толпу, чтобы убить триста человек. За

несколько быстро пролетевших месяцев банальный законопроект о перераспределении земли вылился в кровавую бойню.

Извиняться за это нападение сенат не стал. В традиционных погребениях Тиберию и его погибшим сторонникам отказали, побросав их тела в Тибр. Само по себе это было шокирующим оскорблением традиций. Гракхи все еще оставались могущественным, знатным семейством, и отказывать их сыну в надлежащих похоронах было чревато религиозными и социальными последствиями. Но теперь всем рассказывали, что Тиберий пытался провозгласить себя царем – в нарушение величайшего запрета политических должностей. И сенат постановил, что не может позволить себе похороны, способные вылиться в новую, кровавую революцию.

На фоне этих нарушений обычаев предков, совершаемых направо-налево, «в Риме начиналась кровавая бойня и наступало право меча»[42 - Веллей Патеркул, «Римская история», II, 3.]. Окончательный триумф грубой силы представлял собой урок, усвоенный всеми без исключения. Как позже отмечал греческий историк Веллей Патеркул, «Прецеденты отнюдь не заканчиваются там, где начинаются, и какой узкой ни была бы тропинка, по которой им приходится пробираться, они создают для себя проторенный тракт, чтобы разгуливать по нему совершенно свободно... и никто не считает для себя зазорным то, что выгодно для других»[43 - Веллей Патеркул, «Римская история», II, 3.].

Глава 2. Пасынки Рима

Из-за того, что власти предержащие действуют мерзко и жестоко, характер их граждан воспламеняется и выливается в безрассудные действия... и если им отказывают в добром отношении, они, заслуживая его, восстают против тех, которые ведут себя, словно бесчеловечные деспоты[44 - Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXXIV–XXXV, 2, 33.].

Диодор

132 г. до н. э. начался с усилий сената похоронить революцию Тиберия Гракха. Им была создана специальная комиссия, преследовавшая цель наказать тех, кто поддерживал незаконные притязания Тиберия на монархию. В то же время

легитимность этого чрезвычайного трибунала вызывала вопросы. По древнему Закону двенадцати таблиц, «законы о смертной казни гражданина может принимать... исключительно комиций»[45 - Закон Двенадцати таблиц, XII, 11.]. Ни сенат, ни консулы не имели права выносить собственной властью гражданам смертные приговоры – но все равно выносили.

Простой народ от этого дерзкого нарушения закона был в ярости, которая усилилась еще больше, когда выяснилось, что преследованию подвергнутся только представители низшего сословия и проживавшие в Риме иностранцы. Сенаторов из числа аристократов, принимавших участие в этом деле – к примеру, авторов *Lex Agraria*, – даже не призвали к ответу, хотя они и сыграли в разразившемся кризисе главную роль. В последующие несколько недель над рядовыми гражданами Рима нависла зловещая тень трибунала. Их тащили к консулам даже за малейшую причастность к движению Гракха. Некоторых казнили, многих других отправляли в изгнание.

Если тот факт, что многих сенаторов не привлекли к ответственности, для многих был неприятен, то Сципион Назика, по-прежнему разгуливавший на свободе, выглядел откровенным святотатством. Ведь этот человек, ни много ни мало, организовал убийство трибуна, пользовавшегося неприкосновенностью. И то, что это до сих пор не повлекло за собой никаких последствий, было в прямом смысле преступлением против богов. Поэтому Марк Фульвий Флакк, сенатор из числа молодых реформаторов и союзник Гракхов, объявил о намерении отдать Назику под суд. Что бы ни думал сенат о поведении Назики, ему нельзя было допустить, чтобы разгневанная толпа устроила травлю великого понтифика. К счастью, подходящее решение нашлось само по себе. После смерти Тиберия сенат, вернув себе контроль над Пергамским царством, назначил Назику в посольство, которому предстояло отправиться в Пергам, оценить ситуацию и запустить процесс присоединения. Понтифик пришел в ярость от того, что его манипуляциями выставили за дверь, причем через черный ход, но все же выполнил волю коллег. Назика уехал на Восток и прожил там достаточно, чтобы стать свидетелем масштабного восстания рабов, а потом мучительно умереть «без всякого желания возвращаться на неблагодарную родину»[46 - Валерий Максим, «Примечательные поступки и изречения», V, 3, 2.].

Разрядив обстановку одного кризиса, сенат также отказался разжечь вместо него другой. Понимая, что в этих абсурдных репрессиях нельзя заходить дальше определенного предела, его члены не предприняли ни малейших попыток отменить *Lex Agraria* или же распустить земельную комиссию. То ли осознав,

наконец, эффективность проводимой реформы, то ли понимая, что замораживание этого процесса приведет к восстанию, сенат разрешил комиссии продолжить работу. Занять место Тиберия в ней, наряду с Клавдием и юным Гаем Гракхом, поручили Муциану – одному из авторов *Lex Agraria*. И перераспределение общественных земель пошло дальше своим чередом.

Пока в Риме разворачивались все эти события, Сципион Эмилиан пребывал на другом конце света и доводил до конца завоевание Нуманции. Прибыв на место за полтора года до этого, он обнаружил испанские легионы деморализованными, бездеятельными и страдавшими от недостатка дисциплины. Эмилиан привел их в порядок и взялся ежедневно муштровать, чтобы вернуть в боевую форму. После целого года такой подготовки он мобилизовал всю мощь человеческих ресурсов Рима, и весной 133 г. до н. э. жалкий город Нуманцию, который на тот момент защищали 8000 человек, взяли в осаду свыше 60 000 солдат из Италии, Африки и Испании. Перед лицом столь численного перевеса врага, нумантинцы смирились с поражением: «Отчаявшись бежать, они, в приступах ярости и гнева, убивали себя, свои семьи и родной город, действуя ядом, мечом и всепожирающим огнем»[47 - Луций Анней Флор, «Эпитомы римской истории», I, 34, 18.]. Когда немногочисленные, израненные защитники, оставшиеся в живых, вышли в ворота, Эмилиан приказал заковать их в цепи, а Нуманцию сровнять с землей.

Он рассчитывал, что эта новость наделает в Риме много шума, но вскоре после падения Нуманции до него дошла весть, что на родине разразился крупный политический кризис. После того, как Тиберий Гракх добился одобрения противоречивого земельного законопроекта, его, вместе с тремя сотнями сторонников, убили и бросили в Тибр. Никакого дипломатического ответа на это известие Эмилиан не дал. Поскольку официально считалось, что Тиберий устроил заговор с тем, дабы стать царем, Эмилиан вместо этого привел очередную гомеровскую мудрость: «И так погибают все, отваживающиеся на такие преступления»[48 - Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXXIV–XXXV, 7.]. Но когда мощную колкость Эмилиана получили дома, по улицам пополз недовольный шепот. Может, Эмилиан, сам санкционировал убийство трибуна – причем, ни много ни мало, его собственного шурина. Тот самый народ, который в виде исключения обеспечил Эмилиану два консульских срока, теперь видел в нем лишь еще одного представителя неприкасаемой знати.

Но о перемене настроений в Риме он ничего не знал и по-прежнему полагал, что благодаря последним победам его звезда теперь засияет ярче, чем когда-либо. А возвратившись в 132 г. до н. э. домой, был шокирован оказанным ему приемом. Вместо восторженных толп его встретили злобные и хмурые взгляды жителей Рима. Огорченный до глубины души Эмилиан едва узнал тот самый народ, который всего два года назад избрал его консулом.

Имей он возможность щедро раздарить трофеи, захваченные во время завоевания Нуманции, для него все могло бы обернуться по-другому. Но на его беду, раздаривать было нечего. По сравнению с триумфом после разграбления Карфагена, победа Эмилиана над Нуманцией была делом поистине жалким. Мало богачей. Мало рабов. Ничего красивого, экзотического или невиданного, что можно было бы выставить на всеобщее обозрение. Было крайне досадно осознавать, что Рим, загубив в Испанских войнах великое множество жизней, мог похвастаться самое большее немногочисленными безделушками да горсткой костлявых испанцев.

Вскоре после жалкого триумфа Эмилиана, в 131 г. до н. э. трибуном был избран восходящий политик, сторонник Гракхов, Гай Папирий Карбон. Этот страстный, молодой реформатор представил законопроект, который позволит расширить практику тайного голосования на все законодательные органы. В случае его одобрения, работа по переводу римского голосования от публичного к закрытому волеизъявлению будет завершена – ведь избрание всех выборных, судебных и законодательных органов будет проводиться тайно. Кроме того, Карбон представил законопроект, предусматривавший подтверждение задним числом легитимности переизбрания Тиберия на второй срок, чтобы лишить состоятельности аргумент консерваторов о том, что убийство трибуна было оправданно, так как он нарушил закон.

Считая, что ситуация складывается слишком уж в пользу простолюдинов, Эмилиан на форуме выступил против законопроекта Карбона. Он сказал, что традиционный запрет на повторное избрание на должность согласуется с республиканскими добродетелями, – его заявление наверняка поразило толпу своим лицемерием, поскольку Эмилиан сам был исключением из этого правила. Во время одного из появлений консула на публике, Карбон сам вышел вперед и спросил его, что в действительности он думает об убийстве Тиберия. На что Эмилиан ответил: «Если он хотел захватить государство, то его убили по справедливости»[49 - Веллей Патеркул, «Римская история», II, 4.]. А когда присутствовавшие встретили его слова враждебно, консул ответил тем же.

Взирая на злобную толпу, он видел перед собой не истинных римлян, а пришлый сброд, который пора было объявлять вне закона: иммигрантов, вольноотпущенников и рабов, которые понятия не имели, что означают римская добродетель и достоинство. «Как меня, – взревел он, – человека, столько раз без страха слышавшего боевой клич врага, могут задеть вопли таких как вы, кому Италия стала всего лишь приемной матерью?»[50 - Веллей Патеркул, «Римская история», II, 4.] Не удивительно, что его за это лишь еще больше освистали, и Эмилиану пришлось в гневе покинуть форум. Норма, подтверждающая право переизбираться, не прошла, но борьба за нее нанесла репутации Эмилиана непоправимый ущерб.

В определенном смысле, консул был прав в отношении толпы, с которой столкнулся в тот день на форуме. На первом этапе римской истории разницы между *plebs urbana*, жителями самого города, и *populus Romanus*, гражданами Рима, не существовало. Жители города были гражданами Рима, а граждане Рима, в свою очередь, были жителями города. Но к концу II в. до н. э. Рим стал крупнейшим городом Средиземноморья, значительно опередившим все остальные. Если другие города могли похвастаться десятками тысяч жителей, то счет его населения шел на сотни тысяч. Как крупнейший и могущественнейший город Средиземноморья, Рим стал центром притяжения мигрантов. В растущий метрополис то и дело переезжали италики, которые не имели римского гражданства, а за ними греческие философы, испанские ремесленники, торговцы из Северной Африки, сирийские посланники и галльские наемники. К 130 г. до н. э. Рим превратился в многоязычную мешанину всех известных в мире племен и народностей.

Как и в случае с крестьянами из деревень, массовый наплыв также сыграл роковую роль в плане трансформации городского населения. Состоятельные римляне покупали умелых ремесленников по всему Средиземноморью и усаживали за работу – производить товары на продажу. Но в отличие от собратьев, не обладавших особыми профессиональными навыками, эти умелые рабы оставались невольниками лишь в течение определенного времени. Хозяева позволяли им выкупить свободу и начать собственное дело при поддержке бывших владельцев. Эти клиенты-вольноотпущенники позволяли сенаторам участвовать в коммерческих начинаниях, теоретически для них запретных. Сенаторы использовали своих вольноотпущенников в качестве юридического фасада, поручая им заведовать жилыми домами, точками на рынках, а также осуществлять торговлю с заморскими партнерами. Кроме того,

вольноотпущенники помогали превращать сенатскую собственность в коммерческие предприятия, помогая сенаторам, занимавшимся этим бизнесом, самым грязным из грязных, сохранять чистоту рук.

В отличие от итальянских крестьян, представлявших большинство, городские плебеи жили исключительно наемным трудом. Поскольку Рим стал крупнейшей «клиринговой палатой» имперской коммерции, они, главным образом, трудились в рознице и вообще в торговле. В доках, лавках и на складах каждый день бурлила жизнь. Наряду с наемными работниками, над важными общественными проектами, такими как дороги и акведуки, работали и рабы. По завершении старых проектов всегда затевались какие-либо новые. С учетом того, что вся экономика Рима строилась строго на наличности – вся еда, постой, топливо продавались и покупались за звонкую монету, – отчаянной нищеты в городе не было никогда. Если у человека не было денег на жизнь, он либо уезжал в деревню, либо умирал на какой-нибудь глухой аллее. Бедность влекла за собой роковые последствия.

В политическом отношении, со времен на тот момент уже забытого Конфликта сословий, *plebs urbana* не обладал коллективной политической идентичностью. И хотя демократические собрания дейс Рима, свели лишь в четыре из них. Поэтому хоть они зачастую и превышали числом всех остальных избирателей Собрания, коллективных голосов в сумме у них было только четыре. Как продемонстрировал кризис, разгоревшийся вокруг *Lex Agraria*, физический контроль зала заседаний собрания представлял собой критически важную часть побед в политических баталиях. Постоянное присутствие там *plebs urbana* подразумевало, что как бы кто ни заглушал их избирательные голоса, их подлинные голоса звучали громко и четко – в чем Сципион Эмилиан убедился, когда они освистали его за резкие замечания в адрес Тиберия Гракха.

Когда городские плебеи вновь обрели политический голос, выяснилось, что они могут потребовать честолюбивых политиков прислушаться к важным для них нуждам. Перераспределение земель не обладало в их глазах особой привлекательностью – они являлись торговцами, ремесленниками, купцами, но не крестьянами. Но вот что действительно представлялось для них важным, так это бесперебойные поставки дешевого зерна. Не в состоянии сам себя накормить, *plebs urbana* надеялся, что окрестные деревни будут производить зерно, не позволяя ему умереть с голоду. Любому перспективному римскому политику рано или поздно предстояло узнать, что в действительности *plebs urbana* стремился к продовольственной безопасности. Городские плебеи

прекрасно понимали, что поставки могут вдруг сократиться из-за непогоды, проблем с транспортировкой, неурожая. Или, к примеру, из-за массового восстания рабов на Сицилии.

Во времена Гракхов зерно на пропитание Рима в основном поступало с Сицилии. Отвоёванная в 241 г. до н. э., она стала первой заморской провинцией Рима. Этот невероятно плодородный остров представлял собой безбрежную, щедрую землю, только и ждавшую, чтобы дать урожай. Туда хлынул поток римских хозяев, привезших с собой рабов, которых «гнали стадами, как многочисленные отары скота»[51 - Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXXIV-XXXV, 2, 1-3.]. Условия работы в сицилийских владениях были ужасные, рабов «подло наказывали и били без всякой на то причины»[52 - Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXXIV-XXXV, 2, 1-3.]. Они терпели такую нужду, что ради выживания были вынуждены разбойничать, охотясь на коренных сицилийцев, которых, как и их итальянских собратьев, тоже душили без конца разраставшиеся владения, использовавшие труд рабов. Рекой лились жалобы, но островом управляла лишь горстка молодых римских магистратов – и пока все богатели от прибылей, для изменения этой жестокой системы практически не было причин.

Лишившись всякой надежды, сицилийские рабы стали готовить восстание. Его главным предводителем выдвинулся сириец по имени Евн. На Сицилию он приехал красноречивым, харизматичным аферистом. Выдавая себя за пророка и мастерски владея искусством выдувать ртом огонь, он околдовал хозяев острова сказками о том, как в один прекрасный день станет их царем. В 135 г. до н. э. с ним тайно связались несколько рабов. Собираясь убить своих хозяев, они обратились к пророку Евну за советом. Тот сказал, что боги благоприятствуют их заговору, и вскоре под его началом уже оказалось четыреста вооруженных человек. В ту ночь они совершили жестокое нападение на город Энна. Нарушая свои торжественные обещания, Евн, одержав победу, отнюдь не проявил великодушия. Согнав жителей Энны в одном месте, он отобрал искусных кузнецов, а остальных казнил. Когда во все стороны разлетелась весть об этом нападении, вспыхнул всеобщий мятеж. За несколько недель к восстанию примкнули десять тысяч рабов. И тогда Евн исполнил собственное пророчество – водрузил на голову украденную диадему и провозгласил себя царем Антионом Сицилийским.

Буквально через несколько недель после восстания Евна на острове вспыхнул еще один бунт. Услышав о поднятом Евном мятеже, киликийский раб по имени Клеон поднял собственное восстание, собрав под своими знаменами пятьсот человек. Армия Клеона захватила южный порт Агригентум и разграбила его. Некоторые сицилийцы, оказавшись в кольце врага, надеялись, что две армии рабов переругаются и уничтожат друг друга, – но к их ужасу, Клеон вместо этого преклонил перед «царем Антиохом Сицилийским» колени. После объединения войско рабов стало непобедимым.

Сенат предполагал, что восстание вскоре выдохнется, но сколько бы новых отрядов ни посылали на Сицилию, ни один из них так и не возвратился. Чтобы вернуть контроль над провинцией, сенат послал туда претора, а когда у него ничего не получилось, на следующий год отправил еще одного. Но к этому времени число восставших рабов достигло уже двухсот тысяч и ни одна сила в Риме, казалось, не могла их победить. И не только рабов. Многие обнищавшие сицилийские крестьяне стали совершать набеги на богатые владения – их на это толкнули жадность, отчаяние и жажда мести. Воцарилась анархия.

Поэтому сенату, все силы которого поглощали испанская трясина и неожиданно разразившаяся революция Гракха, заодно пришлось решать вопрос с затянувшимся восстанием сицилийских рабов. Вся эта ситуация приводила его в отчаяние, он прекрасно понимал, что за его стенами, на улицах Рима, сбой в поставках продовольствия приводит *plebs urbana* в ярость. В 132 г. до н. э., когда восстание продолжалось целых три года, если считать с первого бунта, сенат послал на Сицилию консула Публия Рупилия. Доведя до конца работу трибунала по расследованию деятельности Гракха, Рупилий далее отправился подавить еще один мятеж.

Если он и преуспел там, где другие римские военачальники потерпели провал, то только потому, что к тому времени Сицилия уже была разорена. О своих плугах восставшие рабы, вполне естественно, забыли, и на пашнях острова, равно как и на его пастбищах, царило запустение. На момент прибытия Рупилия в 132 г. до н. э. главная житница Рима превратилась в пустошь. В столь кошмарных условиях ему не составило особого труда найти в каждом удерживаемом рабами городе пару отчаявшихся душ, согласных открыть ворота в обмен на снисхождение и еду. Когда римляне встали под стенами Энны, Клеон отвел войско рабов в поле, но сам погиб в ходе последовавшего сражения, а его армия была разбита. После этого Рупилий нашел предателя, который с готовностью согласился открыть ворота Энны, и царь Антиох бежал через

задние ворота. Несколько дней спустя его нашли прятавшимся в пещере вместе с «поваром, цирюльником, человеком, который тер его мочалкой в ванне, и шутком, веселившим на банкетах»[53 - Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXXIV–XXXV, 2, 22.]. Рупилий бросил «царя» в темницу на съедение вшам, где тот умер. Три года спустя события, получившие известность как Первое Сицилийское восстание рабов, завершились.

К концу восстания рабов сенат был на седьмом небе от счастья, а если добавить сюда еще победу в Нуманции и устранение угрозы в виде Тиберия Гракха, то благородные предводители Рима наверняка готовились насладиться толикой мира и покоя. Однако спустя несколько месяцев после победы на Сицилии поступило сообщение о том, что на Востоке Рим столкнулся с новым массовым восстанием. Посольство, отправленное для аннексии Пергама, обнаружило, что многие его жители отнюдь не горят желанием превращать свое независимое царство в обыкновенную провинцию разраставшейся Римской империи.

Изначально провинция рассматривалась римлянами как общая сфера деятельности, которой тот или иной магистрат правил от имени Рима. Это могла быть географическая зона; территория, выделенная для военных нужд; или же правовая юрисдикция. Но по мере того, как Рим в своей имперской ипостаси все больше брал на себя ответственность, провинции, которыми правили ежегодно переизбираемые магистраты, стали все больше приобретать постоянные географические границы. К 146 г. до н. э. сенат ежегодно назначал магистратов в такие провинции как Сицилия, Сардиния, Ближняя и Дальняя Испания, Македония и Африка. Этих провинциальных магистратов можно было с полным основанием назвать правителями провинций, хотя сами римляне предпочитали данным термином не пользоваться. На первом этапе существования Римской империи задача наместника, в основном, сводилась к обеспечению военной безопасности. Политическая сфера ограничивалась заключением союзов с местными городами и кланами, а экономическая – сбором податей и выплатами за военную оккупацию.

Управляла провинцией небольшая группа чиновников. Прибывая на место, новый претор или консул привозил с собой прислугу по дому, а также команду неофициальных советников, называемых легатами, набирая их из числа друзей и членов семьи. Кроме того, правителю определяли квестора – молодого человека, впервые поступившего на общественную службу, которому доверяли провинциальную казну. Для одних молодых квесторов это оборачивалось

сплошной нервотрепкой, другим давало возможность продемонстрировать свою добродетель, третьим – брать взятки и извлекать другие незаконные доходы.

Никогда не стремясь подчеркивать административное присутствие Рима, наместники провинций, главным образом, опирались на местных правителей и на существующие общественно-правовые институты. С аристократами упомянутого города обходились уважительно, стараясь их ассимилировать, их детей отправляли в Рим в качестве заложников, где с ними не только хорошо обращались, но и давали всестороннее образование по римскому образцу. Что же касается практического управления, то местные законы, установленные в обществе обычаи и институты сохранялись – конечным источником власти теперь был Рим, а не местный царский двор.

Хотя формально администрация была немногочисленной, а официальные обязанности подданного республики не ложились тяжким бременем, это еще не означало, что жителям провинций приходилось легко. Достигая пика своей карьеры, каждый наместник, чтобы взлететь до вершин, обрастал довольно значительными долгами. Считалось, что управление провинцией как раз и позволяет восстановить пошатнувшиеся финансы. Однако времени у заступающего на должность правителя было совсем немного, а поскольку великие войны и завоевания на тот момент уже оставались в прошлом, он нередко тянул деньги с различных кланов и городов за то, чтобы не начинать с ними войну. До отъезда каждый из них стремился заполучить как можно больше денег. К несчастью для жителей провинций, следующий правитель приезжал, находясь точно в таком же положении, и весь цикл повторялся.

Поскольку подобные злоупотребления со стороны правителей часто приводились в качестве причины восстаний, в 149 г. до н. э. – в момент активной аннексии центрального Средиземноморья – Рим учредил первый постоянный суд, известный как *quaestio de repetundis*: коллегия, которая рассматривала дела о вымогательстве и получении магистратами взяток. Сфера ее деятельности сводилась к расследованию и наказанию римских чиновников, использовавших свою власть для получения незаконных доходов с жителей провинций. Однако членов жюри в этот суд, вполне естественно, набирали исключительно из числа сенаторов – можете сами представить, насколько часто они объявляли виновным кого-то из своих своевольных коллег.

Провинции Азия самой судьбой предназначалось стать одной из самых прибыльных в империи – и в этом качестве заодно рассадником вымогательства

и злоупотреблений. Но перед тем, как приступить к эксплуатации новой провинции, ее сначала надо было организовать – что оказалось делом совсем не простым. Прибыв в 132 г. до н. э., Сципион Назика и другие сенаторы, его коллеги по посольству, обнаружили, что далеко не каждый в Пергаме считал себя собственностью римского народа.

После смерти Аттала III некий претендент на трон по имени Аристоник отверг передачу царства Риму и заявил о своих притязаниях на корону. Он обращался ко всем и каждому за поддержкой, но большинство богатых прибрежных городов поддерживали с Римом хорошие отношения и поэтому не видели особого интереса в том, чтобы присоединиться к восстанию. В глубине континента Аристонику повезло больше: он набрал армию рабов, пообещав им свободу в обмен на службу. Создав из обнищавших крестьян и занятых в земледелии рабов войско, он пообещал, что после победы над Римом они все будут равны в вольном утопическом городе, названном им Гелиополисом – Городом Солнца.

Поэтому сразу после усмирения Испании и Сицилии сенату пришлось обратиться в другую сторону и заняться Азией. Командование походом поручили новому консулу Муциану, недавно назначенному в земельную комиссию. Это назначение, обещавшее огромные восточные богатства, Муциан активно лоббировал, но по прибытии на место все пошло не по плану. Он повел свои легионы во внутренние гористые районы Анатолии, но вскоре понял, что Аристоник его постоянно переигрывает. После последнего унижительного удара Муциан сам оказался во вражеском плену. Когда его схватили, консул пришел в ярость, начал провоцировать взявших его солдат и «выбил палкой глаза варвару, который его охранял»[54 - Луций Анней Флор, «Эпитомы римской истории», I, 35, 20.]. Страж, «испытывая нестерпимую боль и пылая от гнева, заколол его ударом меча в бок»[55 - Луций Анней Флор, «Эпитомы римской истории», I, 35, 20.].

После провала Муциана, в 130 г. до н. э. пришлось высылать еще одну армию, тоже во главе с консулом. Она успешно взяла столицу Аристоники в кольцо осады и вынудила Гелиополис сдаться. Большинство жителей либо убили, либо вновь обратили в рабство, Аристонику заковали в цепи и впоследствии, во время триумфального шествия в Риме, выставили напоказ. А когда шествие закончилось, палач задушил его в тюремной темнице. Вместе с ним умерла и мечта об утопии без рабов.

Поскольку все эти сражения и осады длились долгие месяцы и годы, к реорганизации старого Пергамского царства и созданию на его месте новой провинции Азия римляне приступили лишь в 129 г. до н. э. Для контроля над всеми предусмотренными процедурами сенат отправил Мания Аквиллия с комиссией из десяти человек. Но Аквиллий своим характером снискал себе дурную репутацию. Поскольку отдельные города все еще противились римской оккупации, он, не желая терять времени на операции по зачистке, обратился «к порочной практике отравления источников»[56 - Луций Анней Флор, «Эпитомы римской истории», I, 35, 20.], чтобы поставить последние очаги сопротивления на колени. Этот метод вряд ли можно отнести к инструментам почетного завоевания.

Но поскольку Рим теперь твердо взял бразды правления в свои руки, провинцию Азия Аквиллий и новое сенатское посольство усмирили. Однако процесс ее организации затянулся, ведь послам необходимо было определить границы между царскими владениями и городами, которые, по завещанию Атталы, должны были остаться вольными. Первым полагалось стать общественными землями, управляемыми государством, в то время как вторые подлежали освобождению от уплаты податей. Когда определение границ было завершено, Аквиллий решил воспользоваться возможностью, чтобы немного заработать на стороне. В награду за помощь в обуздании Аристоника, он за взятки отдал царям соседних стран прибыльные территории. В частности, Аквиллий подарил царю Митридату V Понтийскому Фригийское царство, совершив подозрительную сделку, которую впоследствии будут оспаривать даже после смены поколений.

Но поскольку Азия, наконец, вошла в римскую овчарню, республике вскоре пришлось стать свидетельницей поступления в Италию новых огромных богатств. Азия стала гораздо более доходным имперским владением; как в частный, так и в общественный сектор из нее потекли деньги, еще больше усиливая растущее неравенство, и без того уже подрывавшее стабильность республики.

Книги по истории преисполнены именами видных римских политиков и военачальников, по той простой причине, что именно о них писали историки из числа их соотечественников – создавая впечатление, что все без исключения римляне были интриганами, жаждавшими триумфа. В действительности же огромное количество состоятельных римских граждан не проявляли ни

малейшего интереса к безумным махинациям, преследовавшим цель отхватить консульскую должность и добиться триумфа, которые без остатка поглотили прославленные знатные дома. А поскольку заниматься коммерцией членам сената запрещалось, у далеких от политики богачей оставалась масса возможностей заняться в растущей империи бизнесом и нажить колоссальный капитал, избегая пафоса высокой политики.

Семьи сторонившихся политики богачей в Риме относили к классу эквитов. Изначально так называли тех, кто был достаточно богат, чтобы снарядить в поход боевого коня и затем снабжать его всем необходимым. На заре Рима это позволяло влиться в ряды кавалерии, откуда и название «эквиты» (в переводе с латыни *equites* означает «конница»). Но во времена Гракхов к числу эквитов, в общем случае, относили сословие семей, состояние которых превышало четыре тысячи сестерциев. С технической точки зрения их было бы корректно назвать «средним классом» Рима – со своими накоплениями они занимали промежуточное положение между сенаторами-олигархами и массой зажиточных крестьян. А поскольку капиталы эквитов были весьма значительными, они входили в экономическую элиту.

На пересечении частного и государственного секторов располагалась особая группа эквитов, которых называли *publicani*, т. е. «публиканами». Республике приходилось выполнять множество обязательств – от оснащения всем необходимым армий до содержания храмов, строительства дорог и акведуков. А поскольку сенаторам путь в коммерцию был заказан, кому-то приходилось заниматься вопросами логистики. Первый подписанный публиканом договор был предельно прост: кормить священных гусей – особую стаю птиц, которым, как полагали суеверные римляне, покровительствовали боги. Однако к моменту начала Пунических войн публиканы решали уже значительную часть государственных вопросов. Легионам, которые насчитывали почти пятьдесят тысяч человек, постоянно требовались обувь, туники, лошади, попоны, оружие. В одном из заказов значились 6000 тог, 30 000 туник и 200 нумидийских лошадей, причем все это следовало доставить в Македонию. Этим надо было кому-то заниматься. Такие люди покупали доли в предприятиях, а затем отстаивали на аукционах право выполнить тот или иной заказ. По мере того, как республиканская империя углублялась и ширилась – прибыли от выполнения государственных контрактов были просто огромные, – капиталы ряда публиканов превышали даже состояния некоторых мелких сенаторов.

Выгоднее всего было управлять принадлежавшими государству копиями. Первые копи перешли под контроль римского государства во время Пунических войн после того, как Рим вытеснил из Испании Карфаген. Обнаружив, что карфагеняне открыли богатые залежи серебра, римляне объявили эти копи общественными землями, принадлежавшими государству. Каждые пять лет контракты на эксплуатацию этих копей выставлялись на аукцион, и, хотя истинные цифры представить очень трудно, прибыли превышали доходы от любых операций, которыми когда-либо приходилось заниматься римлянам. Условия труда на этих копиях были ужасны. Диодор писал, что рабы «день и ночь истощали в рудниках под землей свои тела... умирая в больших количествах от невероятных мук, которые им приходилось терпеть... Ведь в их трудах не разрешалось ни отдохнуть, ни сделать передышку, и они, принуждаемые ударами надзирателей, терпели свое бедственное положение, проводили свою жизнь столь ужасным образом»[57 - Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», V, 38.]. Работа несла гибель, но прибыли были баснословные.

Вторыми по уровню доходов значились контракты на сбор податей. Напрямую римские наместники в провинциях подати не собирали. Вместо этого вкладчики из числа публиканов образовывали предприятия и покупали пятилетние контракты, предлагая внушительные суммы наличными за право собирать то, что принадлежало Риму. Разница между этими суммами и тем, что им удавалось собрать, и составляла их прибыль. Созданная ими система так и напрашивалась на злоупотребления, ведь публиканы располагали полным арсеналом средств, которые позволяли им выбить как можно больше средств – больше даже положенного по закону. Поскольку контроль в провинциях был ограничен, сборщики податей из числа публиканов вскоре снискали себе дурную славу – там, где они появлялись, больше не было ни закона, ни свободы. Но, несмотря на репутацию невероятно алчных скупцов, публиканы по-прежнему оставались единственной прослойкой, которая в действительности могла нести на себе бремя имперской логистики. И раз в республике не было действенной бюрократии, этим кому-то приходилось заниматься.

Бурное развитие этих корпораций публиканов отнюдь не приводило сенат в восторг. Самим сенаторам запрещалось участвовать в бизнесе, поэтому они, считая коммерцию ниже достоинства уважаемого человека, не доверяли публиканам, считая их алчными паразитами. После завоевания Македонии в 168 г. до н. э. сенат преднамеренно вывел обширные копи, леса и инфраструктуру этого края из зоны действия публиканов. Это была осознанная попытка воспрепятствовать дальнейшему укреплению господства публиканов, но так продолжалось недолго. Пять лет спустя провинцию все равно открыли и

из нее полились деньги. После этого, куда бы ни отправился Рим, вслед за ним неизменно следовали публиканы. А их поведение в богатой провинции Азия впоследствии стало одной из дополнительных причин грядущего конфликта.

Пока Азия демонстрировала себя главным источником конфликта за пределами Рима, работа земельной комиссии, которая выявляла в общественно-политическом ландшафте Италии все больше скрытых проблем, сеяла семена еще более масштабных противоречий внутри него самого.

Во II веке до н. э. Италия представляла собой не единое государство, а скорее пеструю конфедерацию городов, каждый из которых обладал собственными общественными и политическими правами, в зависимости от того, как и когда ему пришлось оказаться под покровительством Рима. Верхушку иерархии правового положения жителей занимали, конечно же, римляне, в полной мере обладавшие римским гражданством. Никакого имущественного ценза, чтобы быть гражданином, не существовало – и богатейший сенатор и нищий обладали совершенно одинаковыми правами гражданства, которые, взятые вместе, составляли их *libertas*, т. е. гражданские свободы. Главными из этих свобод считались право голосования и право на защиту от произвола высших чиновников.

Ступенькой ниже от полноправных римских граждан, в иерархии правового положения жителей располагались общины или отдельные лица, которые обладали так называемым Латинским правом. После односторонней аннексии Лация в 338 г. до н. э. сенат не стал предоставлять своим новым жителям в полном объеме гражданство, вместо этого наделил рядом прав, позволявших им строить свою жизнь почти на тех же принципах, что и истинные римляне. Латиняне могли вступать в брак, подписывать договоры и затевать земельные тяжбы с полноправными римскими гражданами. У них даже было право голоса в комиции, хотя сенат сделал все, чтобы его ограничить: всех латинян собрали в одну-единственную из тридцати пяти голосовавших триб.

Со временем концепция Латинского права вышла за свои первоначальные этнические рамки. Когда Рим стал учреждать по всей Италии свои колонии, колонистов свели до ранга жителей, обладавших лишь Латинским правом, взамен предоставив бесплатный земельный надел и место во вновь образованной провинции. Отдельные обитатели Италии тоже могли удостоиться Латинского права особым постановлением сената или высшего магистрата –

зачастую в награду за доблесть, проявленную на поле боя, или же за исключительные услуги, оказанные Риму. Вскоре Латинское право стало признаком не столько этнической, сколько социальной принадлежности.

Наконец, в самом низу иерархии располагались *foederati* или *socii*, в совокупности известные как «союзники». Распространив свое влияние на всю Италию, Рим заставил покоренные города и народы подписать с ним договоры о взаимопомощи, обязывавшие обе стороны защищать друг друга. Однако формально эти побежденные города избежали аннексии, оставшись единственно «союзниками» Рима. Большинство жителей Италии были лишь союзниками, обладавшими ограниченными гражданскими и политическими правами. С другой стороны, и ответственность на них возлагалась не такая уж большая. Рим не требовал от них регулярной выплаты податей, а право управлять своими городами предоставлял местным магистратам. Он настаивал только на одном – чтобы они предоставляли солдат для пополнения легионов. Такие иерархические, конфедеративные отношения, определявшие римскую Италию, работали более-менее терпимо в течение двух столетий. Но на горизонте уже маячил их конец.

К 129 г. до н. э. из первоначального состава земельной комиссии остался лишь один юный Гай Гракх. Тиберий погиб на Капитолийском холме, а его преемника Муциана убили в Азии. Место последнего занял Марк Фульвий Флакк, тот самый друг семьи Гракхов, который помог отослать из Рима ненавистного Назику. Теперь, когда ему перевалило далеко за тридцать, Флакк, став членом земельной комиссии, усиленно готовился выставить свою кандидатуру на выборах консула. Затем в 129 г. до н. э. умер старый сенатский принцепс Клавдий и его заменил Гай Папирий Карбон – трибун, внесший в 131 г. до н. э. законопроект о тайном голосовании и схлестнувшийся с Эмилианом в вопросе о легитимности насильственной смерти Тиберия. Поэтому дело, в котором фракцию Гракхов когда-то обошли видные политические деятели постарше, теперь оказалось в руках молодых отчаянных голов.

Проблема обновленной земельной комиссии заключалась в том, что все общественные земельные участки, которые можно было без труда выявить и поделить, уже были выявлены и поделены. Оставались лишь спорные владения. В каждом случае, когда вокруг межи разгорался конфликт, комиссии, чтобы оценить притязания сторон, приходилось проводить тщательнейшее расследование. Если хозяева не могли предъявить правовые акты на владение, а

продавцы представить доказательства получения денег, процесс практически замирал. Нередко обе стороны демонстрировали враждебность, и тогда работа комиссии существенно замедлялась.

Больше всего враждебность порождали границы между римскими общественными землями и участками в собственности итальянских союзников. Отделить *ager publicus*, которые принадлежали сенату и народу Рима, от территорий города-союзника было практически невозможно. Состоятельные италики с тем же рвением, что и их римские братья, присоединяли общественные земли к своим угодьям, в то время как бедным пастухам оставалось довольствоваться прокормом стад своего скота на общественных землях. Появление членов римской земельной комиссии, выискивавших участки для конфискации, грозило урезать очень многим источники существования, но италикам, не способным самостоятельно постоять за себя в римском судопроизводстве, для отстаивания своих интересов требовался покровитель в Риме. Такого покровителя они нашли в лице Сципиона Эмилиана, который на тот момент опять вышел на сцену, дабы совершить последний акт своей долгой, легендарной карьеры.

Вступая в борьбу на стороне италиков, Эмилиан руководствовался различными и далеко не всегда благородными резонами. Во-первых, это в огромной степени повышало его престиж. На фоне аристократического презрения, которое он продемонстрировал к судьбе Тиберия, простой люд от него отвернулся, поэтому теперь он занял новую позицию, позволявшую ему расширить базу политической поддержки. Во-вторых, выступая против земельной комиссии, Эмилиан рассчитывал помириться с коллегами по сенату. Он всю свою жизнь в грош не ставил все их традиции, но если бы ему удалось уничтожить презренную аграрную комиссию, они отплатили бы ему немалой толикой доброжелательности. Наконец, сенат мог продемонстрировать коллективное желание хотя бы для виду принять жалобы италиков всерьез. К полной интеграции Италии он не стремился, но выказывая по отношению к ее жителям симпатию, мог заручиться их поддержкой, чтобы навсегда избавиться от призывов к более радикальным реформам.

В 129 г. до н. э. Эмилиан произнес в сенате речь, утверждая, что члены комиссии нарушали заключенные соглашения, а поскольку границы с союзниками представляли собой вопрос внешней, а не внутренней политики, то споры между комиссией и италиками полагалось разбирать консулу. Сенат согласился и принял в поддержку рекомендаций Эмилиана соответствующее постановление.

Оно не обладало прямой силой закона, однако на тот момент, когда в комиссии заправляли трое относительно молодых политиков, вес мнения сената одержал верх. А поскольку к тому времени почти все доступные земли граничили с владениями италиков, из-за постановления сената работу аграрной комиссии пришлось остановить, хотя и со скрипом. Формально распустить ее никто не стал, но ее способность действовать самым роковым образом урезали до предела.

После этого Эмилиан перенес дебаты на форум, разглагольствуя перед толпой и пытаясь заложить фундамент для значительного пересмотра, а то и полной отмены Lex Agraria. Но его и на этот раз встретил plebs urbana, в ярости от того, что он принял сторону италиков. Послышались крики, что Эмилиан «решил полностью отменить закон Гракха и с этой целью намеревался разжечь вооруженный конфликт, чтобы затем устроить кровавое побоище»[58 - Аппиан, «Гражданские войны», I, 19.]. Вскоре и без того высокий градус враждебности толпы повысился еще больше, из толпы стали доноситься крики «Убить тирана!». Но Эмилиан проявил твердость и сказал: «Вполне естественно, что те, кто враждебно настроен к нашей стране, хотят сначала покончить со мной; потому как невозможно, чтобы пал Рим, пока стоит Сципион; как невозможно Сципиону жить, когда падет Рим»[59 - Аппиан, «Гражданские войны», I, 19.]. Но хотя он чуть ли не бросил толпе вызов, провоцируя ее атаковать, ничего такого не последовало и по окончании дебатов друзья проводили его домой.

Когда они убедились, что дома он в полной безопасности, Эмилиан сказал им, что планирует провести вечер за работой над важной речью, которую ему предстоит произнести на следующий день. Но наутро Эмилиан из дома так и не вышел. Сципион Эмилиан умер на пике своей политической карьеры в возрасте пятидесяти шести лет.

В атмосфере, окружавшей его внезапную смерть, не заподозрить ее насильственный характер было невозможно. С течением лет в список подозреваемых вошла вся семья Гракхов: Гай, его сестра Семпрония, а также их мать Корнелия Африкана. У всех троих были веские причины считать бывшего родственника врагом. В то же время под подозрение попали и двое других членов земельной комиссии, Флакк и Карбон, потому как и у того и у другого, в прошлом с Эмилианом были стычки. Но по какой-то причине сенат не проявил особого интереса к этому делу и не стал копать глубоко: «Хотя он (Эмилиан) был и великий человек, расследование причин его смерти не проводилось»[60 - Веллей Патеркул, «Римская история», II, 4.]. Вполне возможно, что Эмилиан умер

естественной смертью, а время его кончины было просто совпадением. Этого нам уже никогда не узнать.

Легендарная, содержащая в себе множество противоречий карьера Публия Сципиона Эмилиана послужила образцом для подражания будущим поколениям римлян. Он воплощал собой новый дух и новое осмысление значения слова «римлянин». Эмилиан принял для себя греческую философию и чувствовал себя комфортно в роскошном окружении. Эта новая порода римской знати ненавидела старых ворчунов, таких как Катон Старший, и не видела причин отказываться от хорошего вина и элегантного разговора. С течением лет мировоззрение Сципиана и его близкого круга возобладало в среде высшей римской знати, которая вскоре стала отправлять своих сыновей в Грецию как нечто само собой разумеющееся. Эмилиан даже ввел в привычку ежедневно брить лицо, что для римской аристократии стало стандартом на следующие триста лет. На политическом фронте Эмилиан придумал механизм использования комиция для преодоления неудобных препятствий. За свою карьеру этот человек дважды становился консулом, причем оба раза особым решением Народного собрания. В качестве консула он командовал легионами в двух войнах, причем и в первый, и во второй раз получал это назначение не жеребьевкой, а специальным голосованием комиция. Это был яркий пример, который взяли на вооружение представители всех будущих династий на позднем этапе существования Римской республики. Комиций обладал невероятным могуществом – голос объединенного народа мог возобладать в любом вопросе. И человек, контролировавший это Народное собрание, мог делать что угодно.

Кроме того, Эмилиан создал опасный прецедент, использовав огромное полчище своих клиентов для создания личного легиона. В эпоху, раздираемую ожесточенными баталиями по поводу мобилизации, Эмилиан без труда собрал войско, чтобы завоевать Нуманцию, – призвав своих людей отплатить за оказанные когда-то им самим услуги и выполнить данные в свое время обязательства, он набрал целых шестьдесят тысяч человек. Он представлял собой живое доказательство того, на что способен харизматичный генерал с хорошими связями. И Марий, и Сулла, и Цезарь в своей деятельности руководствовались теми же базовыми принципами, что и Эмилиан: собрать личную армию, а затем использовать Народное собрание, чтобы в законодательном порядке предать оппонентов забвению.

Но хотя его карьера была обращена в грядущее, сам Эмилиан покинул этот мир как анахронизм. Будущее определяли отнюдь не благородные принцы, днем правившие миром, а вечером устраивавшие дебаты по вопросам греческой философии. В нем правили люди куда более жесткие. Публиканы-дельцы гнали корабль империи к берегам их собственных прибылей. У обнищавших крестьян отнимали их земли. Городские ремесленники периодически сталкивались с нехваткой хлеба. Итальянские союзники досадовали на недостаток гражданских прав. Тысячи рабов постоянно находились на грани бунта. Следующее поколение предстояло определять тем, кто попытается обуздать эти силы, чтобы держать под контролем республику. Но как отмечал сам Эмилиан, «те, кто навел внешний лоск для политической конкуренции или гонки за славой, будто актеры на сцене, в обязательном порядке пожалеют о своих поступках, ведь им придется либо прислуживать тем, кем они предполагали править, либо оскорблять тех, кому им хотелось понравиться»[61 - Плутарх, «Римские вопросы», 2.].

Глава 3. Кинжалы на форуме

Граждан не называли «плохими» или «хорошими» в зависимости от их поведения в обществе, потому что в этом отношении все они были порочны. Но самых богатых и способных больше других причинить вред считали «хорошими», по той причине, что она защищали существующее положение дел[62 - Саллюстий, «История. Фрагменты», I, 12.].

Саллюстий

Гаю Гракху приснился сон. В этом сне к нему явился призрак его покойного брата Тиберия и сказал: «Сколько ни пытайся отворотить судьбу, тебе все равно предстоит умереть той же смертью, что и я»[63 - Цицерон, «О дивинации», I, 56.]. В другой версии сна Тиберий спрашивал его: «Чего ты колеблешься, Гай? Выхода ведь все равно нет; нам обоим была судьбой predetermined одна жизнь, и одна смерть – поборников народа»[64 - Плутарх, «Гай Гракх», 2.]. Гаю нравилось рассказывать о своем сне, от которого создавалось впечатление, что он не просто очередной политик, потакающий собственным амбициям, а человек, призванный служить обществу некой высшей силой. Но как бы он ни напускал на себя смирение, совершенно ясно, что еще с юного возраста Гай мечтал стать величайшим из рода Гракхов.

Хотя они выросли в одном доме, хотя их воспитывала та же самая мать, а учили одни и те же наставники, вряд ли можно было вообразить двух более разных людей, чем Тиберий и Гай. О различии их характеров много писал Плутарх. Там, где Тиберий проявлял «спокойствие и доброту»[65 - Плутарх, «Тиберий Гракх», 2.], Гай был «яростен и взвинчен»[66 - Плутарх, «Тиберий Гракх», 2.]. Выступая на публике, Тиберий полагался на спокойное сопереживание, в то время как Гай непомерно источал свою харизму.

В последний раз Гай видел старшего брата весной 134 г. до н. э. В свой первый поход в Испанию двадцатилетний юноша отправился с верой в то, что их род находится на пороге своего величия. Старший брат готовился представить Lex Agraria и рывком выдвинуть следующее поколение Гракхов на передний край римской политики. Однако в Испании Гаю пришлось узнать, что все пошло не по плану. Тиберий хоть и провел Lex Agraria, но заплатил за победу своей жизнью.

В 132 г. до н. э. Гай возвратился в Рим. С момента смерти Тиберия не прошло и года, поэтому младший брат не только считал себя главой семьи, но и надеялся возглавить основанное старшим братом политическое движение. Первый шаг к публичному поприщу он сделал несколько месяцев спустя, когда его вызвали в суд защищать друга их семьи. О силе красноречия Гая тут же стали слагать легенды. Он ввел новую форму сценической риторики, став первым римлянином, который во время выступления энергично расхаживал по помосту и срывал с плеча тогу. Даже Цицерон – неутомимый критик Гракхов – признавал, что Гай был искуснейшим оратором своего поколения. «Как же велик был его гений! Как огромна энергия! Как стремительно красноречие! Поэтому все вокруг печалились, что всем этим прекрасным качествам и талантам не сопутствуют ни характер получше, ни более благие намерения»[67 - Цицерон, «Об ответах гаруспиков», 41.]. Гай также приложил руку, чтобы изменить «аристократическую манеру произнесения речей на демократическую, чтобы ораторы обращались к народу, а не к сенату»[68 - Плутарх, «Гай Гракх», 1.]. Записи той первой великой речи до нас не дошли. Достоверно известно только одно: на фоне выступления Гая «другие ораторы выглядели ничуть не лучше детей»[69 - Плутарх, «Гай Гракх», 1.]. На тот момент ему было всего лишь двадцать три года.

Годом позже Гай опять прибегнул к своему ораторскому таланту, дабы защитить наследие семьи. Он публично поддержал предложенный Карбоном законопроект, призванный легитимизировать задним числом попытку Тиберия избраться на второй срок. И хотя документ так и не был одобрен, выступления

Гая дали понять политической элите, что Тиберий отнюдь не стал единственным Гракхом, с которым им придется считаться. В действительности сила Гракха стала раздражать ведущих представителей знати, в среде которых царило единодушное мнение о том, что его нельзя подпускать к должности трибуна.

Они были совершенно правы, потому как Гай не только видел сны, в которых к нему приходил покойный брат, но и лелеял собственные мечты. За последние сто лет республика претерпела множество изменений, не предприняв ни одной исчерпывающей попытки переделать государственный корабль, чтобы выжить в новых водах, по которым он теперь плыл. В сфере, где Тиберий предложил единственный аграрный закон, чтобы сгладить последствия растущего экономического неравенства, Гай грезил о целом пакете реформ, направленных на улучшение тех аспектов имперской экспансии Рима, которые больше всего дестабилизировали обстановку. У Гая Гракха была мечта, из-за которой ему пришлось разделить жизнь брата и умереть защитником народа.

Когда Гай сложил вместе первые фрагменты своего пакета реформ, ему стало ясно одно: будущее Рима было за Италией. Делая первые наброски *Lex Agraria*, его брат, вероятно, понимал, что восстановить здоровье Римской республики можно только восстановив здоровье не только римских граждан, но и всех италиков. Пришло время отказаться от практики считать чужеземцами италийских союзников, которые на самом деле давно стали неотъемлемыми членами римского общества. В своем вольном виде возглавляемая Римом конфедерация, связывавшая последние двести лет воедино весь полуостров, себя исчерпала. И теперь, когда полным ходом развивалось окружавшее Италию со всех сторон Средиземноморье, полуостров пора было объединить.

После смерти Тиберия Марк Фульвий Флакк, с которым Гай работал в земельной комиссии, стал для него кем-то вроде старшего брата. Если младший Гракх только-только начинал свою политическую карьеру, то Флакк уже стоял на пороге получения консульской должности. И когда пришло время выставить свою кандидатуру, он выдвинул провокационную идею, вероятнее всего предварительно обсудив ее с Гаем: сделать каждого италика полноправным римским гражданином. Это предложение хоть и влекло за собой в долгосрочной перспективе серьезные последствия, в основе его лежал самый практичный и неотложный вопрос урегулирования споров с земельной комиссией. Флакк полагал, что «итальянских союзников следует сделать римскими гражданами, чтобы они из благодарности... перестали ссориться из-за земли» [70 - Аппиан,

«Гражданские войны», I, 21.]. И хотя главная роль в этом деле отводилась благодарности, еще важнее представлялось то, что после принятия италиками гражданства появится возможность разрешить проблему, которая застопорила работу аграрной комиссии. И Флакк, и Гай считали, что на такую сделку италики пойдут.

Вполне естественно, что предлагать наделить италиков всеми правами римского гражданства было радикальной идеей, от которой у консервативной части знати по спине ползли мурашки. Сама мысль о том, что те, кому полагалось им подчиняться, станут с ними равны, была для них невыносима. В то же время Флакк столкнулся с другой проблемой в виде городских плебеев, ревностно охранявших свои гражданские привилегии. Стараясь не допустить одобрения этого предложения, сенат убедил одного из трибунов в период подготовки к выборам консула изгнать из Рима всех, у кого не было гражданства. Если Флакк собирался победить на избранной им почве, то ему придется убедить в этом римских граждан. Периодически повторявшиеся изгнания чужаков на позднем этапе существования республики стали ее характерной чертой, и Цицерон, осуждая подобную практику, говорил: «Возможно, для тех, кто не является гражданином, и неправильно обладать правами и привилегиями гражданства...»[71 - Цицерон, «Об обязанностях», III, 47.], но изгонять из Рима чужаков «противоречит законам человечности»[72 - Цицерон, «Об обязанностях», III, 47.].

Однако Флакк все равно выиграл выборы консула и в январе 125 г. до н. э. раскрыл свой план предоставления гражданства всем италикам. Но хотя он и был теперь консулом, впереди его ждала другая проблема – ему будет очень трудно убедить проголосовать за закон комиций, тем более что к тому времени в городе остались одни только римляне. Сказать, как разворачивались бы события, если бы законопроект действительно поставили на голосование, очень трудно, но к счастью для сената, у его членов появилась возможность отвлечь внимание Флакка. В Рим, с жалобой на постоянно грабившие их галльские племена, прибыла делегация союзнического города Массилия (ныне французский Марсель). Сенат поручил Флакку расправиться с врагом. То ли чувствуя, что законопроект все равно не пройдет, то ли ставя военную славу выше социальных реформ, тот уехал в Галлию и возвратился только по истечении срока своего пребывания на консульском посту. Вместе с этим истек и срок рассмотрения законопроекта о предоставлении гражданства италикам. Это был первый шаг в долгой и мучительной борьбе за предоставление им полноценных прав римских граждан, которая не завершилась и тридцать лет спустя – вопрос закрыли только тогда, когда сотни тысяч сложили головы, а

сама республика чуть не погибла в огне гражданской войны.

Когда законопроект о предоставлении италикам гражданства приказал долго жить, как минимум одному городу эта весть пришлась не по душе. В конце 125 г. до н. э. восстали Фрегеллы. Эта бывшая колония, основанная в 328 г. до н. э. в разгар Самнитских войн, впоследствии сохраняла верность Риму во время длительной борьбы с Ганнибалом. По сути, город прославился своим примерным служением в войнах с карфагенянами. Чтобы остановить наступление Ганнибала в 211 г. до н. э., его жители разрушили один из ключевых мостов, а потом отказывались капитулировать даже когда Ганнибал в наказание разорил их крестьянские хозяйства. За непоколебимую преданность сенат включил Фрегеллы в число городов, «помощь и поддержка которых способствовали господству Рима»[73 - Тит Ливий, «История от основания города. Периохи», XXVII, 10.].

О подробностях восстания во Фрегеллах практически ничего не известно, но оно считалось не настолько опасным, чтобы требовать к себе внимания консула. Вместо него сенат в начале 124 г. до н. э. отправил подавлять бунт претора Луция Опимия. Как нередко случалось с римскими предводителями, Опимий был устроен по особо бесчеловечному образцу. Он принялся грабить и уничтожать Фрегеллы, чтобы «от города, который еще вчера озарял своим блеском всю Италию, остались только разбитые фундаменты»[74 - Псевдо-Цицерон, «Риторика для Геренния», IV, 22, 37.]. Вполне возможно, что жестокость этого грабежа представляла собой прямое предупреждение всем остальным италийцам, которым в будущем могло вздуматься пойти по стопам Фрегелл. Последующие поколения римлян включают разрушенные Фрегеллы в череду уничтоженных городов, оголенных свидетелей самодовольства разраставшейся империи Рима: «Народ Рима разрушил Нуманцию, сровнял с землей Карфаген, уничтожил Коринф и сокрушил Фрегеллы»[75 - Псевдо-Цицерон, «Риторика для Геренния», IV, 22, 37.]. Но когда Опимий вернулся в Рим, в просьбе о триумфе сенат ему отказал. Его члены чувствовали, что если задача сводилась единственно к тому, чтобы запугать италиков, то тыкать их постоянно носом было все же чересчур.

Как оказалось впоследствии, беспощадное подавление Опимием Фрегелл стало лишь первым примером хладнокровной тактики, к которой он прибегал, защищая существующий порядок. В 121 г. до н. э. его избрали консулом, и он сыграл главную роль в решающей поединке революции Гракха – революции,

вспыхнувшей с новой силой после разграбления Фрегелл и его возвращения домой.

Когда разыгрывалась эта драма, Гая Гракха в Риме не было. В 126 г. до н. э. он был избран квестором и получил назначение на остров Сардиния, где продолжил зарабатывать себе репутацию. Зима 126–125 гг. до н. э. выдалась особенно суровой, поэтому легионеры сильно страдали от недостатка продовольствия и теплой одежды. Римский наместник силой реквизировал у сардинских городов все необходимое, чтобы одеть и накормить людей, но когда жители Сардинии отправили в Рим посольство с жалобой, сенат постановил реквизиции прекратить и приказал наместнику наладить снабжение каким-то иным образом. Решить вопрос этим самым «иным образом» поручили Гаю Гракху, который совершил поездку по острову и, в полной мере задействовав всю силу своего убедительного красноречия, сумел уговорить сардинцев добровольно наладить снабжение.

Уверившись в его правоте, жители острова без всякого принуждения пошли на сотрудничество. Узнав об успешной операции Гая, сенат не столько поздравил его, сколько забеспокоился по поводу того, что может произойти, когда его фирменное, убедительное красноречие вновь заявит о себе на форуме. Поэтому его члены сговорились как можно дольше продержат младшего Гракха на Сардинии. Для консула было совершенно нормально по истечении срока его полномочий занять должность проконсула и оставить при себе всех своих людей. В итоге сенат продлил срок пребывания сардинской миссии на год, и Гай остался на острове. Но по прошествии этого времени сенат продлил его еще раз, что уже выходило за все общепринятые рамки. После Пунических войн в подобном многократном продлении срока пребывания не было необходимости – а в случае с мирной, покоренной Сардинией решение и вовсе выглядело в высшей степени необычно.

Гай подозревал, что вся эта волокита была продиктована не столько необходимостью пребывания на Сардинии консула, сколько желанием держать вдали от Рима его самого. Поэтому в ответ на эти совершенно необычные приказы Гай предпринял не менее необычный поступок. Игнорируя все обычаи предков, которые предписывали каждому подчиненному оставаться с командующим все время пребывания миссии в провинции, он попросту упаковал вещи и весной 124 г. до н. э. возвратился в Рим. После его неожиданного появления в городе весной 124 г. до н. э. сенат пришел в ярость. А вид

радостных толп граждан, встречавших Гракха в гавани восторженными возгласами, еще больше испортил его членам настроение.

Но хотя их план запереть Гая на Сардинии провалился, это еще не означало, что консерваторы собирались без боя позволить ему с ликованием прорваться в трибуны. Сразу по возвращении Гая поволокли к цензорам, пожелавшим призвать его к ответу за то, что он бросил командира. Защищая себя от этого обвинения, Гай произнес одну из самых известных своих речей. Чувствуя, что недруги пытаются опорочить его честь, он стал отстаивать свое поведение на Сардинии, сказав, что пока другие использовали в провинции свои должности для угнетения местных жителей и собственного обогащения, «я, покинув Рим, привез из провинции пустой кошелек, который, когда я туда уезжал, был полон денег; другие возвращаются домой, наполнив деньгами кувшины, которые они взяли с собой в провинцию, полные вина»[76 - Авл Геллий, «Аттические ночи», XV, 12.]. Это был язвительный ответ тем, кто обвинял его самого в нарушении общественной морали, – многие из них действительно во время службы в чужих краях без конца пили вино, наполняя пустые бутылки богатствами.

Но могущество цензоров, желавших наказать Гая за предполагаемое нарушение закона, было ограничено. В то же время не исключено, что моральное порицание попросту преследовало цель создать фундамент для более серьезных обвинений – обвинений, которые могли относиться к юрисдикции уголовного суда. Воскресив, будто по взмаху волшебной палочки, теорию итальянских заговоров, враги Гая обвинили его в подстрекательстве и помощи в подготовке восстания во Фрегеллах. Проиталийские настроения Гая к тому времени были уже хорошо известны, и сенаторы из числа консерваторов попытались выдать их за подлинное предательство сената и народа Рима. Обвинения, конечно же, были смехотворны, потому как Гай все время, пока длился бунт, оставался на Сардинии, но благодаря им его окутало облако скандала, вынуждая его прибегнуть к ответу. В хрониках об этом говорится очень мало, но известно, что Гай с успехом отверг обвинения и начал готовиться к предназначенному ему избранию трибуном.

Выборы трибунов 123 г. до н. э. выдались особенно агрессивными, ведь основная масса знати мобилизовала своих клиентов помешать избранию Гая. Но перед популярностью фамилии Гракхов и силой красноречия Гая ничто не могло устоять. С окрестных деревень в Рим стали стекаться толпы граждан. Людей было так много, что за несколько дней до выборов им уже негде было встать на

постой. Даже открытое для всех Марсово поле вскоре до такой степени наполнила толпа, что людям приходилось располагаться даже на крышах.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Ныне французский город Экс-ан-Прованс. – Прим. пер.

2

Ныне французский Нарбонн. – Прим. пер.

3

Ныне итальянский город Асколи-Пичено. – Прим. пер.

4

Полибий, «Всеобщая история», I, 1.

5

Аппиан, «Гражданские войны», I, 1.

6

Можно перевести как «путь старших», «обычаи предков», «наследственные обычаи». – Прим. пер.

7

Тит Ливий, «История от основания города. Периохи», XXXVIII, 32.

8

Плутарх, «Катон Старший», 27.

9

Павсаний, «Описание Эллады», VII, 14, 6.

10

Полибий, «Всеобщая история», XXXVIII, 21.

11

Полибий, «Всеобщая история», XXXVIII, 21.

12

Катон Старший, «Фрагменты римских ораторов».

13

Тит Ливий, «История от основания города. Периохи», XXXVII, 7.

14

Валерий Максим, «Примечательные поступки и изречения», IV, 4.

15

Веллей Патеркул, «Римская история», II, 2.

16

Цицерон, «Об ответах гаруспиков», 19, 41.

17

Тит Ливий, «История от основания города. Периохи», XXXIV, 4.

18

Плиний, «Естественная история», 33, 53.

19

Саллюстий, «Югуртинская война», 41.

20

Аппиан, «Гражданские войны», I, 7.

21

Плутарх, «Тиберий Гракх», 8.

22

Аппиан, «Войны в Испании», XIII, 78.

23

Веллей Патеркул, «Римская история», II, 1.

24

Аппиан, «Гражданские войны», I, 9.

25

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXXIV–XXXV. 6.

26

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXXIV–XXXV. 6.

27

Плутарх, «Тиберий Гракх», 9.

28

Плутарх, «Тиберий Гракх», 9.

29

Плутарх, «Тиберий Гракх», 9.

30

Плутарх, «Тиберий Гракх», 10.

31

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXIV, 83.

32

Аппиан, «Гражданские войны», I, 12.

33

Плутарх, «Тиберий Гракх», 13.

34

Луций Анней Флор, «Эпитомы римской истории», I, 35, 20.

35

Полибий, «Всеобщая история», VI, 13.

36

Полибий, «Всеобщая история», VI, 13.

37

Полибий, «Всеобщая история», VI, 13.

38

Плутарх, «Тибери́й Гракх», 19.

39

Аппиан, «Гражданские войны», I, 16.

40

Аппиан, «Гражданские войны», I, 17.

41

Плутарх, «Тибери́й Гракх», 20.

42

Веллей Патеркул, «Римская история», II, 3.

43

Веллей Патеркул, «Римская история», II, 3.

44

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXXIV–XXXV, 2, 33.

45

Закон Двенадцати таблиц, XII, 11.

46

Валерий Максим, «Примечательные поступки и изречения», V, 3, 2.

47

Луций Анней Флор, «Эпитомы римской истории», I, 34, 18.

48

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXXIV–XXXV, 7.

49

Веллей Патеркул, «Римская история», II, 4.

50

Веллей Патеркул, «Римская история», II, 4.

51

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXXIV–XXXV, 2, 1–3.

52

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXXIV–XXXV, 2, 1–3.

53

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXXIV–XXXV, 2, 22.

54

Луций Анней Флор, «Эпитомы римской истории», I, 35, 20.

55

Луций Анней Флор, «Эпитомы римской истории», I, 35, 20.

56

Луций Анней Флор, «Эпитомы римской истории», I, 35, 20.

57

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», V, 38.

58

Аппиан, «Гражданские войны», I, 19.

59

Аппиан, «Гражданские войны», I, 19.

60

Веллей Патеркул, «Римская история», II, 4.

61

Плутарх, «Римские вопросы», 2.

62

Саллюстий, «История. Фрагменты», I, 12.

63

Цицерон, «О дивинации», I, 56.

64

Плутарх, «Гай Гракх», 2.

65

Плутарх, «Тиберий Гракх», 2.

66

Плутарх, «Тиберий Гракх», 2.

67

Цицерон, «Об ответах гаруспиков», 41.

68

Плутарх, «Гай Гракх», 1.

69

Плутарх, «Гай Гракх», 1.

70

Аппиан, «Гражданские войны», I, 21.

71

Цицерон, «Об обязанностях», III, 47.

72

Цицерон, «Об обязанностях», III, 47.

73

Тит Ливий, «История от основания города. Периохи», XXVII, 10.

74

Псевдо-Цицерон, «Риторика для Геренния», IV, 22, 37.

75

Псевдо-Цицерон, «Риторика для Геренния», IV, 22, 37.

76

Авл Геллий, «Аттические ночи», XV, 12.

Купить: https://tellnovel.com/dunkan_mayk/burya-pered-burey-istoriya-padeniya-rimskoy-respubliki

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)